

ЛАНА ЛАДЫНИНА

Блудный Сын

Лана Ладынина

Блудный Сын

«Издательские решения»

Ладынина Л.

Блудный Сын / Л. Ладынина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963584-6

Екатерина II приобретает «Возвращение Блудного Сына» кисти Рембрандта ван Рейна. Она взволнована исходящими от картины интимностью и светлой грустью. Биографический роман «Блудный Сын» знакомит нас с артистическими кругами Амстердама периода «Золотого Века». На жизненном пути к картине-завещанию Рембрандт познаёт славу и отторжение, любовь и страдания, роскошь и нищету. Неоднозначная личность, он шокирует публику скандальными работами: то саркастичными, то жестокими, то неприкрыто-чувственными.

ISBN 978-5-44-963584-6

© Ладынина Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Исторический фон	6
Блудный сын	7
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Блудный Сын

Лана Ладынина

© Лана Ладынина, 2019

ISBN 978-5-4496-3584-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Исторический фон

В шестнадцатом веке Нидерландами называлась территория, примерно соответствующая сегодняшним Голландии (официальное название Королевство Нидерландов), Бельгии, Люксембургу и части северо-восточной Франции. Нидерланды находились в то время под властью Испании. Стремление навязать испанские порядки в более развитых, передовых Нидерландах, насаждение католицизма на севере, склонному к кальвинизму, вызвали активное сопротивление всего населения страны.

Борьба с Испанией вылилась в восьмидесятилетнюю войну 1568 – 1648 годов. Антииспанское сопротивление началось как религиозное движение под лозунгами кальвинизма и продолжилось как национально-освободительная борьба за независимость, которую возглавил княжеский дом Оранских: Вильгельм I Оранский (Вильгельм Молчаливый), затем его сыновья – Мориц Оранский (или Нассауский) и после него Фредерик Хендрик Оранский.

В лагере нидерландского сопротивления не было единства из-за религиозных разногласий. В результате в Нидерландах произошло территориальное, государственное и религиозное разделение. В 1581 году северная часть Нидерландов официально объявила о своей независимости, опубликовала акт о низложении испанского короля и приняла официальное название Республика Семи Объединенных Нижних Земель или Республика Семи Объединенных Провинций. Неофициально новую страну называли Голландией, по названию самой развитой провинции. Столицей стала Гаага, государственной религией – кальвинизм.

Война за независимость продолжалась в первой половине семнадцатого века, хотя военные действия были уже более вялыми. В 1609 году было объявлено двенадцатилетнее перемирие. С 1621 года война возобновилась и ознаменовалась рядом значительных побед голландцев. Независимость Голландии *Де Юре* была признана только в 1648 году в результате заключения Мюнстерского договора, ставшего частью Вестфальского Мира. Голландская Республика территориально практически соответствовала сегодняшней Голландии или Королевству Нидерландов.

Южная часть Нидерландов, соответствующая сегодняшним Бельгии, Люксембургу и части северо-восточной Франции, осталась под властью Испании. Эту территорию называли Южными Нидерландами или Испанскими Нидерландами. Столицей Испанских Нидерландов по-прежнему остался Брюссель, государственной религией – католицизм. Важнейшей провинцией этой территории была Фландрия.

Политическое, религиозное и территориальное размежевание разделило нидерландское искусство живописи на два направления: фламандское и голландское. Основным пользователем и заказчиком фламандского искусства оставалась католическая церковь. В кальвинистской Голландии основным заказчиком стала торгово-промышленная буржуазия, спрос на картины религиозного содержания значительно сократился. Произшедший на фоне военных успехов резкий скачок в торгово-промышленном развитии позволил даже средним слоям общества заказывать портреты и картины.

Нужно отметить, что художники, невзирая на границы, путешествовали по городам Голландской Республики, Южных Нидерландов и всей Европы в поисках работы и с целью обучения.

Блудный сын

Надо умереть несколько раз, чтобы так рисовать.
Винсент ван Гог о
Рембрандте ван Рейне

ПРОЛОГ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ. 1766 ГОД

Государыня императрица России Екатерина Алексеевна закончила читать почту, предназначенную для её личного просмотра и доставленную в её кабинет в этот послеобеденный час. Последние два письма Её Величество нарочно оставила напоследок, поскольку знала предмет, коего они должны были коснуться. Оба послания, весьма коротких, сопровождали картину, приобретенную по её указанию в Париже русским посланником князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным и доставленную во дворец из Франции не далее как вчера вечером. Государыня собиралась отправиться взглянуть на новое приобретение сразу по окончании всех дел с сегодняшней почтой. Письма в некоторой степени повторяли друг друга ибо речь в них велась об одном и том же. Первое прислал светлейший князь Голицын. Князь писал о том, что картина эта, купленная из прекрасной коллекции некоего герцога, который как раз срочно собирал для каких-то дел нужную ему сумму денег, досталась великой государыне недорого. Несмотря на это счастливое обстоятельство, полотно весьма ценное, написанное веком ранее знаменитым голландским мастером Рембрандтом ван Рейном, работы коего уже, несомненно, имеются в коллекции Государыни. Живописную работу эту порекомендовал купить господин Дидро, мнение которого так высоко ценит Её Императорское Величество. Сюжет её – известная притча о блудном сыне, изображена встреча отца со своим блудным сыном после его скитаний.

Другое послание пришло от её давнего друга, французского литератора и философа Дени Дидро, с коим Государыня Екатерина Алексеевна вела живейший обмен письмами. Князь Дмитрий Алексеевич был прав, она и в самом деле высоко ценила мнение философа, по всеобщему признанию – одного из лучших знатоков и ценителей искусства. Около года тому назад она посчитала нужным купить у Дидро его богатейшую библиотеку на благо России. Господин Дидро писал: как только он увидел сию работу знаменитого голландца, то немедленно подумал о коллекции живописи Её Величества, картина непременно должна оказаться там. Сюжет её – евангельская притча о Блудном Сыне и изображает она момент возвращения Блудного Сына к отцу. Кроме несомненных художественных достоинств, полотно ещё и весьма редкое. Дело в том, разъяснял далее философ, что голландские художники прошлого века предпочтительнее изображали праздный разгул или скитания Блудного Сына, однако гораздо реже – возвращение к отцу. Он искренне надеется, что картина придётся по вкусу Государыне Императрице. Она, несомненно, станет одной из самых крупных жемчужин в несравненной коллекции Её Величества.

Прочитав эти хвалебные оды её новой покупке, Екатерина Алексеевна воспылала сильным любопытством и пожелала тотчас же отправиться в залы, где поместила приобретенные ею произведения искусства. Перед тем как отправиться, она распорядилась отыскать в Евангелии Притчу о Блудном Сыне и принести ей. Проходя по огромным комнатам дворца, императрица подумала: ей надобно собственной персоной в ближайшее подходящее время навеститься и проинспектировать, как продвигается сооружение нового малого дворца, где она собирается разместить всё своё собрание, куда входила не только живопись. Архитекторы Фельтен и Валлен-Деламот¹, заботам которых она поручила новое здание, докладывали не далее недели назад: строительство основных залов завершается и скоро Её Величество сможет разместить

¹ Юрий Матвеевич (Георг Фридрих) Фельтен (1730 – 1801) – русский архитектор, один из ведущих архитекторов Санкт-Петербурга второй пол.18 века. Вместе с Валлен-Деламотом построил Малый Эрмитаж по заказу Екатерины II Жан Батист Мишель Валлен-Деламот (1729 – 1800) – французский архитектор. Долгое время работал в России, преподавал в Российской Академии Художеств. Вместе с Фельтеном построил Малый Эрмитаж. *Здесь и далее примечания автора.*

там коллекцию. Екатерина Алексеевна уже называла незаконченный дворец своим милым *ermitage*², с нетерпением ждала окончания строительных работ и поторапливала не слишком расторопных архитекторов. С этими мыслями она, наконец, дошла до залы где были развешены картины. Тем временем уже наступило предвечерье и ранние зимние петербургские сумерки заполнили залу чуть туманным, серо-голубым светом. В комнате только что зажгли свечи в тяжеловесных серебрянных канделябрах.

Екатерина Алексеевна вошла в небольшую залу. Её встретило грандиозное полотно, помещённое на стене напротив. Она остановилась, внимательно и требовательно созерцая, не успев ещё присесть на заранее приготовленное кресло. Из зеленовато-чёрной тягучей тьмы на неё хлынули светящиеся золотистые, коричневатые, желтые и красные цвета, вырисовывавая три фигуры. Её взор невольно сразу приковала к себе левая часть картины – две фигуры, излучавшие изнутри загадочное сияние. Величественный, невзирая на свою дряхлость, старик в красной сияющей накидке, очевидно слепой или почти слепой, склонился над стоящим на коленях, прильнувшим к нему жалким человеком непонятного возраста, в лохмлтях, с бритой головой, и положил руки на плечи оборванца слабым, почти невесомым жестом. После нескольких минут легкого оцепенения она, наконец, присела на кресло и перевела взгляд на третий персонаж, тоже величественный, хотя и не так сильно светящийся, в красной накидке и с посохом. Затем она увидела еще какие-то фигуры в тени, изображённые почти контурно, но не обратила на них большого внимания, взгляд вернулся к трём основным персонажам, она продолжила новым, более пристальным вниманием рассматривать то человека с посохом, то старика, то оборванца с бритой головой.

«Ни дать, ни взять, просто каторжник сибирский вернулся домой», – пронеслось в голове Екатерины. Через глаза, устремлённые на картину, её душа и сердце наполнялись светлой, воздушной печалью. Взгляд упал теперь на стопы «каторжника», в особенности на левую ступню, с которой упал изношенный башмак, обнажая жестокие ссадины от долгой, изнурительной ходьбы. Ей вдруг захотелось поднять башмак и одеть его на ногу скитальца...

Императрица оторвала, наконец, взгляд от картины. Немногочисленная свита тихо стояла по сторонам и позади её кресла.

– Ваше Величество, Вы распорядились отыскать Притчу о Блудном Сыне, – одна из фрейлин подала императрице Евангелие, раскрытое на странице с притчей. Екатерина отослала всех из комнаты и принялась читать:

«У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По происшествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошёл, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить свое чрево рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против тебя и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наёмников твоих.

Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против тебя и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного телёнка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся. И начали веселиться.

² ermitage – фр., тихое, уединённое место.

Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришёл, и отец твой заколол откормленного телёнка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною и все моё твоё, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся.»³

³ Лк.15: 11—32

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1 ЛЕЙДЕН, ГОЛЛАНДИЯ. 1624 ИЛИ 1625 ГОД

Молодой человек, почти ещё мальчик, распрощался с попутчиками, сошёл на пристань с небольшого пассажирского судна и зашагал быстрой, но при этом тяжеловесной походкой к отчому дому. Экипаж примчал бы его быстрее, но, обычно нетерпеливый, юноша предпочёл в этот раз удобство речного судна тряской дороге в пассажирской карете. Звали молодого человека Рембрандт ван Рейн, имя необычное, редкое, вероятно, одно-единственное во всей Голландии. Родители умудрились назвать его именем, переделанным из женского, в честь прабабушки Ремиджии, которую он никогда не видел, но которую чтит его родители за кроткий и набожный нрав.

Наступила осень, но дни всё ещё стояли необычайно тёплые, напоминая о прошедшем лете. Ярко светило солнце и на мутноватых водах каналов прыгали светящиеся солнечные зайчики. Деревья перешёптывались друг с другом красными, жёлтыми, зелёными листьями. Плавно падая с ветвей, они покрывали землю ярким, пёстрым ковром. Лёгкий прохладный ветерок ласково трепал жёсткие, непослушные, тёмно-каштановые кудри Рембрандта и он с удовольствием подставил лицо приятному бризу. Ступая привычной дорогой, которую он мог пройти с закрытыми глазами, юноша не оглядывался по сторонам, а думал о предстоящих встречах с семьёй и со своим другом, таким же как он сам молодым художником Яном Ливенсом.

Неожиданное предложение Ливенса явилось основной побудительной причиной скорого возвращения Рембрандта в родной Лейден из блистательного Амстердама, где он только что закончил полугодовое обучение в мастерской модного амстердамского художника Питера Ластмана.⁴ Рембрандта поторопила и внезапно разразившаяся в Амстердаме свирепая эпидемия чумы, косившая своей косой смерти всех без разбора. Много горожан уже покинули Амстердам, спасаясь от напасти и пережидая время у родственников в окрестных деревнях или других городах.

Послание от Яна само по себе оказалось сюрпризом – друзья нечасто писали друг другу; тем более удивился Рембрандт, обнаружив не короткую записку, какими обменивались приятели и какую, по обыкновению, он ожидал увидеть, но солидное письмо. Пробегая острый, стремительный почерк Яна, глаза Рембрандта смешливо сузились, восхищаясь дерзкой мыслью. «Юноша далеко пойдёт», – улыбнулся он про себя. Он иногда шуточно звал Ливенса «юноша», хотя они почти ровестники – Рембрандт только годом старше Яна. Ливенс когда смеялся, когда бесился.

Но если говорить серьезно, у «юноши» можно многому поучиться: Ян обладал более длительной и разнообразной, чем он, Рембрандт, профессиональной подготовкой, уже начал собственную карьеру и был известен в Лейдене. Но этот честолюбец, как оказалось, жаждал новых почестей.

Предложение Яна Ливенса покорило Рембрандта неожиданностью и простотой: два независимых художника, работающие вместе. По правилам гильдии Святого Луки⁵ – гильдии

⁴ Питер Ластман (1583—1633) – голландский художник, учитель Рембрандта. Один из ведущих исторических (библейских) живописцев Амстердама своего времени. Несколько лет жил и работал в Италии.

⁵ Святой Лука или Евангелист Лука (ум. ок. 84г.) – автор одного из четырех Евангелий. По традиции считается первым иконописцем и святым покровителем художников. Поэтому в городах некоторых стран Европы позднего средневековья и раннего нового времени гильдии художников носили имя Святого Луки.

художников, к членству в которой стремился каждый начинающий мастер – назависимым живописцам запрещалось работать в одной мастерской. К их удаче, как полагал Ян, в Лейдене давным-давно не существовало гильдии художников, законы её здесь не действовали, поэтому ничто не мешало начать необычное предприятие в их родном городе. Всего-то нужно снять общую мастерскую. Если им удастся осуществить экстравагантную идею, писал Ян, о них, несомненно, заговорят не только в Лейдене, но и по всей Голландии. Рембрандт, как любой начинающий художник, мечтал о славе. Эти юношеские грёзы вместе с заманчивым предложением Ливенса и погнало Рембрандта ван Рейна в Лейден. До получения письма от Яна Рембрандт решал, остаться ли ему еще на полгода у Ластмана или попытаться начать работать в Амстердаме. О возвращении в Лейден он и не мыслил. Его родной Лейден – город со славной историей и отличным университетом. Город учёных, студентов, промышленников-мануфактурщиков, но вовсе не город художников. Времена знаменитого на все Нидерланды Луки Лейденского⁶, коего сам великий Дюрер удостоил своим посещением, давно миновали. И хотя память о Луке жива – Рембрандт не раз бегал в церковь Святого Петра, главную в городе, и подолгу стоял перед его огромной, поражающей воображение картиной, изображающей Страшный Суд⁷ – теперь в Лейдене нет даже гильдии Святого Луки. Здешние художники работают кто как может: без всякой помощи и защиты, но и без всякого надзора и контроля. Письмо Ливенса перевернуло планы Рембрандта, смелая идея захватила юношу. Два-три года работы вместе с Яном, думал Рембрандт, и они станут узнаваемы, как его учитель Питер Ластман. Предаваясь мечтам о будущей известности, славе и золотом дожде из дорогих заказов, Рембрандт не заметил как оказался у порога родительского дома.

Рембрандт не сделал неожиданной сюрприз из своего прибытия и знал, что его поджидают. Он отправил извещавшие о приезде письма отцу с матерью и Яну Ливенсу, отправил с расчетом, чтобы письма получили за несколько дней до возвращения. Подумал и о времени приезда, дабы не нарушить обычного течения дел – ближе к вечеру, когда отец и братья закончат работу на мельнице. Рембрандт постучал в дверь и вскоре услышал характерный стук башмачков из дерева и кожи. «Лисбет, наверное», – подумал он и через мгновение дверь открылась. На пороге стояла Лисбет, самая младшая в семье. Её юное миловидное лицо светилось радостной улыбкой:

– А я знала что это ты, – раздался звонкий голосок, – с приездом, дорогой братец, мы тебя ждём с нетерпением, – и она с визгом бросилась брату на шею.

Заразившись её радостью, Рембрандт рассмеялся, обнял Лизбет и вместе с ней, висящей на его шее, прошёл в дом. Они миновали переднюю парадную комнату и оказались в одной из задних комнат, менее парадных и более жилых, за которой располагалась кухня. Мать оказалась на кухне, в хлопотах о праздничном ужине по случаю его прибытия. Здесь же, на деревянном стуле, специально изготовленном, с удобной спинкой и подлокотниками, сидел самый старший брат Геррит и что-то чинил. Два года назад Геррит повредил спину и теперь передвигался с трудом. Большую часть времени он проводил дома или в его ближайших окрестностях. Виновник предстоящего праздника выпустил, наконец, Лисбет из объятий, пришла очередь матери и брата.

– Махтельт скоро спустится. Она прибирает наверху и готовит твою комнату, – мать всё никак не могла выпустить Рембрандта из своих объятий, он был её младшеньким талантливый сыночком, её любимчиком.

⁶ Лука Лейденский или Лукас ван Лейден (1494 – 1533) – крупнейший нидерландский художник и гравёр 16 века. Жил и работал преимущественно в Лейдене.

⁷ Этой картине (триптих) счастливо удалось дожить до наших дней, она до сих пор находится в Лейдене.

Словно услышав её слова, сверху спустилась старшая сестра Махтельт. Более сдержанная, чем Лисбет, она, как и вся семья, с нетерпением ожидавшая возвращения брата, спокойнее выражала свою радость. Закончив порученную ей работу, Махтельт уже успела принарядиться в красный зашнурованный корсаж, красиво облегавший ее ладную фигуру, и тёмно-синюю полотняную юбку. Кремового цвета чепец и нижнее платье, безукоризненно чистые и отглаженные – дань пришедшей моде, составившей конкуренцию традиционным белым. На Рембрандта устремились взгляды, готовые внимать рассказам об учёбе в Амстерламе. Не успел он произнести и двух слов, как раздался стук в дверь, и через минуту вихрем влетел жизнерадостный Ян Ливенс. Ян громогласно приветствовал всех, привычно отпустил комплименты Махтельт и Лисбет, договорился с Рембрандтом о встрече следующим днём и так же стремительно улетел, сославшись на многочисленные дела, не вняв увещаниям остаться на ужин.

– Ты можешь пока расположиться наверху, в своей комнате, – прерывающимся от радости голосом сказала мать, – отец и братья должны вот-вот вернуться. И Адриан с женой обещали прийти.

2

Мельник в нескольких поколениях Хармен Герритс ван Рейн и его жена Корнелия или просто Нелтье, как звали её домочадцы и друзья, не жаловались на судьбу. Неустанный тяжёлый труд на принадлежавшей им мельнице вознаграждался благополучием. Мельница имела незамысловатое название «Рейн» по той простой причине, что располагалась на берегу Рейна. Её построил на этом самом месте ещё дед Хармена. Она не избежала разрушений во время испанской осады Лейдена, но была отстроена вновь дедом и отцом. Кроме мельницы, приносящей хороший доход, Хармен и Нелтье владели просторным домом с добротной мебелью из дуба и орехового дерева и большим участком земли. Из десяти детей, рожденных Нелтье, бог прибрал к себе в младенчестве трех; оставшиеся семеро – пять братьев и две сестры – были живы и поныне. Навыки мельницкого ремесла вместе с мыслью, что он будет мельником и только мельником, прививались Хармену со времени, как он себя помнил, и он не разу не помыслил о другом ремесле кроме того, которое так хорошо знал с детства. Не думал он об ином ремесле и для своих сыновей, во всяком случае, для Геррита. Геррит, как старший сын в семье, должен был унаследовать мельницу и дело отца.

Но никогда не знаешь как повернётся жизнь и что судьба готовит для тебя. Случилось несчастье. Нелепая случайность. Спускаясь с лестницы после мелкой починки крыши, Геррит оступился, не удержался на лестнице и упал. Да так неудачно, что сильно ушиб спину. В семье, конечно, встревожились, но никто не придавал происшествию серьёзного значения, как и сам Геррит. Кто же не падал и не ушибался! Думали, отлежится несколько дней и снова начнёт работать, как ни в чём не бывало. Но проходили дни за днями, затем недели, а ему не становилось лучше. Он передвигался с трудом. Геррит и вся семья должны были теперь привыкать к его новому состоянию. Семья смирилась, но Герриту смирение давалось трудно. Рослый, статный красавец, шутник и весельчак, опора семьи, присматривавший достойную невесту, он теперь ощущал себя бременем для всех, страдал приступами отчаяния и ярости, направленной против себя самого. Следующий брат, Адриан, выучился ремеслу башмачника и после женитьбы ушёл жить отдельно. Хармен не стал неволить сына, противиться его решению. Адриан не порвал окончательно с ремеслом мельника и чем мог помогал отцу. Помощь и связь с семьёй стали ещё крепче после несчастья с Герритом.

Самый младший из братьев, Рембрандт, хотя и не увивал от работы на мельнице, не проявлял никакого интереса к семейному ремеслу, а, как только выпадет свободная минута, рисовал на клочках бумаги всё, на что падал взгляд. Желая лучшей доли для сына, Хармен и Нелтье отдали младшенького, самого одарённого, в Латинскую школу. А оттуда путь один –

в Лейденский университет. Университет здесь, в Лейдене – самый лучший в Голландии, это всем известно. Может быть, мальчику удастся пробиться в высокое общество и занять видный пост, думал Хармен. Сейчас в Голландии всё возможно. В университете учатся дети из разных семей, не только знать, и иностранных разношёрстных студентов полно, особенно французов, которыми Лейден кишмя кишит.

Отдавая сына в университет, Хармен полагал, что там студентов учат уму-разуму, чего и Рембрандт наберётся. Но на его сына занятия в университете, наверное, подействовали в обратную сторону, посчитал Хармен. Через несколько месяцев Рембрандт объявил им с Нелтье: он хочет стать художником и торговцем картинами и по этой причине уходит из университета. Отец с матерью сначала опечалились: пропали их планы о завидной доле для сына, но потом поразмыслили и заключили, что это ремесло ничем не хуже любого другого. Младшенького определили в обучение к господину Якобу ван Сваненбюру⁸, известному в городе художнику из благородной семьи. Отец Якоба ван Сваненбюра несколько раз был бургомистром Лейдена и Хармен с Нелтье рассчитывали на выгодные заказы для Рембрандта в будущем. Три года оттрубил младшенький у ван Сваненбюра, но тем не удовлетворился, отправился учиться к амстердамской знаменитости – Питеру Ластману. Хармен сам поехал с сыном в Амстердам и отдал Ластману деньги за первые полгода обучения. Это Ян Ливенс его навестил, не иначе. Ян сам три года обучался у Ластмана, а затем поехал учиться в Утрехт. И вот теперь Рембрандт возвращается, хочет работать здесь, в их родном Лейдене. Что же, в добрый путь, побольше ему заказов. Сейчас многие хотят украшать свои дома портретами и картинами, это стало модно...

Закончив работу, вернулись с мельницы отец и братья, пришёл Адриан с женой Лисбет. Рембрандт, услышав шум, бросил обустроившуюся в приготовленной для него комнате и стремглав сбежал вниз. После веселой возни, возгласов и смеха, наконец, уселись за стол. В центре стола стоял кувшин с французским вином, купленным по случаю приезда «маменькиного сынка» и красовался белый воздушный пшеничный каравай – лакомство, покупаемое не каждый день, в Голландии мало своей пшеницы.

– В Лейдене художнику сейчас непросто работать, – вслед за поздравлениями, тостами и шутками глава семьи первым настроил застольный разговор на серьёзный лад, – гильдии Святого Луки здесь нет. Когда существовала гильдия, местные художники процветали.

– Да, – кивнул Рембрандт, соглашаясь с отцом, – иные прославили Лейден по всем пределам. Но работать можно и без гильдии, наши с Яном планы как раз на это и рассчитаны. Мы встретимся завтра и обсудим с чего начать, как действовать. В Лейдене живут и работают художники, найдётся место ещё для одного.

– Верно, живут и работают, – вступил в разговор Адриан, – но при гильдии значительно легче, она помогает с заказами и не допускает произвола в отношении своих членов. Вот что имел в виду отец. Мы рады твоему возвращению, желанию работать в Лейдене, рядом со всей семьёй и чем можем поможем тебе.

Хармен одобрительно кивнул головой, Лисбет и Махтельт подливали всем вина и пива.

– С первыми заказами мог бы помочь твой учитель, Рембрандт, господив ван Сваненбюрх, – уверенно предложил Геррит. – Он из влиятельной и уважаемой в нашем городе семьи и, как ты говорил, прекрасный человек и дельный учитель.

– Да, говорил, и это правда. Возможно, он мог бы представить меня заказчикам как начинающего художника.

– И талантливого, – хором добавили Нелтье и Лисбет.

⁸ Якоб ван Сваненбюрх (1571 – 1638) – голландский художник. Работал в Италии и Лейдене. Отец и брат тоже были художниками. Сейчас известен, в основном, тем, что был учителем Рембрандта.

Рембрандт с благодарностью смотрел на своих родных домочадцев. Семья, несомненно, обсуждала его возвращение после получения письма. Следующие слова отца подтвердили его догадку:

– Мы выделим тебе под мастерскую наш старый склад, новый уже выстроен прямо около мельницы. Зачем тебе арендовать помещение, склад всё равно пустует и мы не станем его разбирать. Там и для Яна места хватит, если вы задумали работать вместе.

– Спасибо отец, это здорово мне поможет – поблагодарил Рембрандт, затем добавил – я всем вам очень благодарен, я понимаю, что это общее решение.

– За тебя, Рембрандт, пусть вам с Яном сопутствует удача – кружки с пивом в руках поднялись в последнем тосте. Нелтье счастливо улыбалась, довольная таким поворотом дела для своего любимца.

3

Следующий день с раннего утра Рембрандт помогал отцу с братьями на мельнице, а к вечеру отправился повидать Яна. Они встретились в кабачке «Три короны», популярном среди студентов. Заглядывали сюда и местные художники. Таверна была довольно шумная, но где же ты найдёшь тихую таверну, особенно, если неуёмная студенческая братия там обычные гости. Когда Рембрандт прибежал в таверну, Ян уже сидел за деревянным грязноватым столом и флиртовал с разносчицей пива.

Годом моложе Рембрандта, Ян Ливенс, тем не менее, не относил себя к начинающим художникам. Ян Ливенс являл собой лейденскую достопримечательность. Его способности к рисованию стали очевидны с детства. Отец Яна, не чуждый миру искусства в силу своего ремесла ткача гобеленов и вышивальщика, не мешкая, отдал сына в обучение к местному художнику Йорису ван Схотену⁹ когда ребёнку едва исполнилось восемь лет и продержал его там три года. Затем мальчика на столько же отвезли в Амстердам учиться у Питера Ластмана, самого модного исторического живописца¹⁰ Амстердама. Ластман, соответственно своему статусу, брал за обучение дороже других художников. Но что не сделаешь для своего талантливого чада, пришлось раскошелиться, чтобы потом при случае сказать – Ян вышел из мастерской Ластмана. Даже мастерской Ластмана, обучавшегося в Италии, Яну показалось недостаточно, он уже сам изъявил желание поехать в Утрехт. Утрехтские художники писали особенным, ни на какой более в Голландии не похожим стилем. За образец своей живописи они ставили итальянцев – обожавшие свой город утрехтцы оставались верны католицизму.¹¹ В Утрехте Ян не пошёл в ученики к одному художнику, считая, что после шести лет обучения уже изрядно подготовлен, а предпочёл брать уроки у разных мастеров. Вернулся Ян заболевшим «утрехтской болезнью»: все утрехтские художники сходили с ума по скандальному итальянцу Микеланджело Меризи.¹²

Тем временем слава о незаурядном ребёнке разошлась по Лейдену и за его пределы. В перерывах между обучением от заказов не было отбоя. Лейденские коллекционеры, бюргеры, желающие украсить свои дома, хотели иметь картины от одарённого ребёнка-художника. К нему приезжали из других городов Голландии. Но прошло время, Ян вырос и, хотя у себя в Лейдене он ещё не утратил известности, слава его утихла. То, что он так и остался отличным

⁹ Йорис ван Схотен или Йорис ван Шутен (1587—1651) – голландский художник.

¹⁰ Питер Ластман писал преимущественно библейские и мифологические сюжеты. В то время такую живопись называли исторической.

¹¹ Господствующей религией Голландии во время жизни Рембрандта был кальвинизм.

¹² Микеланджело Меризи да Караваджо или просто Караваджо (1571—1610) – выдающийся итальянский художник. Ведущий представитель барокко. Оказал мощное влияние на развитие живописи 17 века. Имел репутацию неоднозначного художника и скандального, неуравновешенного человека, хотя о его частной жизни известно немного.

живописцем, знали теперь только художники, читай – соперники, да разбирающиеся в искусстве коллекционеры. С утиханием славы его самомнение и честолюбие, напротив, возрастали.

Ян Ливенс и Рембрандт ван Рейн представляли собой любопытный дуэт: высокий, стройный Ян, светлокожий и светловолосый, с тонкими, правильными чертами и крепкий, коренастый, смугловатый Рембрандт, кареглазый, с тёмно-каштановыми жёсткими, непослушными кудрями. Оба молоды, честолюбивы, полны надежд и готовы работать день и ночь во имя признания.

Они заказали по кружке пива, Рембрандт немедленно поделился с Яном новостью:

– Отец отдаёт свой старый склад мне под мастерскую... нам под мастерскую – поправил себя Рембрандт, – если ты по прежнему желаешь работать под одной крышей, как предлагал. Ты можешь переехать, как только я там устроюсь. Да

уймись, Ян, оставь девушку в покое, – пришлось сказать Рембрандту, так как Ливенс продолжал перемигиваться с разносчицей, в его голосе слышалась лёгкая досада.

– Вечно ты, Рембрандт, одно другому не мешает.

– Мешает. Сначала поговорим о деле, а затем заигрывай со всеми барышнями подряд.

– Ладно, – посерьёзней Ян, – общая мастерская – необходимое условие для нашего предприятия. В этом вся соль, иначе не имеет смысла начинать. Разговоры пойдут непременно, возникнут любопытство и интерес...

– А далее всё зависит от нас, – в тон Яну продолжил Рембрандт.

– Да, да, – энергично закивал Ян. Я переберусь как можно скорее и помогу с устройством. Что ты думаешь предпринять для начала? Тебе не помешает навестить ван Сваненбюрга – твоего учителя. Он может представить тебя тому и другому, Сваненбюрги – влиятельная семья.

– Я так и собираюсь сделать. В ближайшие дни нанесу ему визит. Он должен быть на короткой ноге с возможными заказчиками. Он заботливо относился ко всем нам, ученикам.

– Он так и уперся в свою «адскую» тему, – усмехнулся Ян, – не хочет ничего больше писать. Такие сюжеты не пользуются здесь спросом, и он об этом прекрасно знает, хотя «адские» картины неплохо идут в Утрехте и Фландрии.

– Учитель упрямый, только свои адские сценки и рисовал, – вспоминал Рембрандт, соглашаясь с Яном, – и нам всё время твердил, пока мы тёрли краски или натягивали холст, что художник должен выработать свой стиль или выбрать свой жанр, чтобы стать узнаваемым.

– Доходы иные есть, поэтому и упрямый. А если только с этого ремесла кормишься, семь раз подумай, стоит ли упираться. Разнообразие стилей и жанров – тоже козырь, – Ян вопросительно взглянул на Рембрандта.

– А я согласен с ним, он прав, – убежденно ответил Рембрандт.

На некоторое время воцарилось выразительное молчание. Затем Ян, как ни в чем ни бывало, возобновил разговор:

– Серьёзные коллекционеры в Лейдене – Скривериус¹³ и Орлес.¹⁴ Скривериус преподаёт в университете, а Орлес торгует книгами, он благоволил ко мне, и Скривериус покупал мои картины.

– Петруса Скривериуса я знаю, точнее знаю его сына Виллема. Мы вместе учились в латинской школе.

– Ах, верно, ты у нас образованный. Это мы простые люди, латинских школ не кончали и университетов не бросали.

¹³ Петрус Скривериус (1576 – 1660) – голландский историк, писатель, поэт. Покровительствовал начинающим поэтам и художникам.

¹⁴ Ян Орлес (1570 – 1646) – голландский книготорговец, писатель. Историк Лейдена. По традиции считается первым биографом Рембрандта.

– А самого Петруса Скривериуса я не раз видел у ван Сваненбюрха, – не обращая внимания на колкость, продолжал Рембрандт, – они друзья, поэтому Скривериус запросто вхож в дом ван Сваненбюрха.

– Уже нечто вырисовывается. Скривериус интересуется новыми именами, глядишь, закажет тебе написать картину. – Ян вдруг вдруг стал серьёзным и пристальным взглядом упёрся в Рембрандта, Рембрандт не отвёл глаза. Ян усмехнулся и продолжил полушутя-полусерьёзно, – соперник... ты упрямый, как твой учитель ван Сваненбюрх. Может быть ты и меня перепрыгнешь. У тебя всё для этого есть.

– Может быть и перепрыгну. У меня всё для этого есть, – полушутя-полусерьёзно ответил Рембрандт.

Ежегодный лейденский праздник 3 октября¹⁵ – праздник снятия испанской осады – в семье ван Рейнов всегда ожидали с радостным нетерпением. Лейденцы, гордые своей историей, отмечали этот день широко и разгульно. Хармен ван Рейн не раз рассказывал детям о патриотизме осаждённых горожан: после почти годовой блокады лейденцы так и не пожелали сдаться и, перед серьёзной опасностью вторжения испанцев в изнурённый город, пожертвовали своими домами – открыли шлюзы, разрушили дамбы, сдерживавшие воду, и затопили полгорода. Испанцам, не ожидавшим такого поворота, пришлось отступить. Хармен передавал детям слышанные от отца и деда истории, некоторые уже стали легендами: о жестоком, не знавшем ни пощады, ни жалости наместнике – герцоге Альбе, о противостоянии испанского командующего де Вальдеса и командующего войсками восставших голландцев Вильгельма Оранского по прозвищу Молчаливый, о герое – бургомистре Лейдена ван дер Верфе, обессилевшем от голода, но продолжавшем призывать народ к сопротивлению, о возлюбленной де Вальдеса Магдалене – голландке из Лейдена, сумевшей уговорить его отложить наступление и выигравшей время для затопления города. Во время осады Хармен был ребенком но по сию пору не мог забыть изнурительный голод, когда были съедены все кошки, собаки и даже крысы, была оборвана и съедена вся трава.

В этот день Хармен ван Рейн вставал рано утром, шёл с сыновьями на мельницу, ставил её крылья вертикальным крестом, украшал лентами и цветами. То же самое делали все другие лейденские мельники, многие – предыдущим вечером. Но Хармену доставляло особое удовольствие украшать мельницу в праздничное утро. Завтрак имел символическое значение – напоминание о морских гёзах, ранним утром вошедших на кораблях в затопленный Лейден и принёсших еду голодающим жителям. Семья завтракала традиционным завтраком, которым завтракали в это утро все лейденские семьи – хлебом с сельдью, и отправлялась на службу в церковь Святого Петра. После службы и до позднего вечера – парад стрелков городской охраны, речь представителя Генеральных Штатов¹⁶, специально приехавшего из Гааги поздравить лейденцев, ярмарки, встречи с друзьями, развлечения.

Рембрандт и Ян встретились на городской площади. Ливенс представил Рембрандта человеку лет на десять старше их, пришедшему на праздник с семьёй – известному в Лейдене пейзажисту Яну ван Гойену¹⁷. Пейзажист любезно пожелал Рембрандту успеха. Распрошавшись с ван Гойеном, они влились в компанию веселящихся до упаду студентов. Рембрандт вспоминал и с хохотом рассказывал Яну о своём недолгом учении в университете. Буйные лейденские студенты вносили во всеобщие гуляния особую шумливость, празднуя заодно и рождение родного университета, неразрывно связанное спобедой над испанцами. За храб-

¹⁵ Праздник снятия испанской осады 1574 г отмечается в Лейдене до сих пор.

¹⁶ Генеральные Штаты – главный правительственный орган в республиканской Голландии.

¹⁷ Ян ван Гойен (1596 – 1656) – выдающийся голландский пейзажист. Работал в Лейдене и затем в Гааге.

рость и отвагу Вильгельм Молчаливый предложил лейденцам выбор: освобождение от налогов на несколько лет или основать в городе университет. Лейденцы выбрали университет и не просчитались. Лейденский Университет стал гордостью города и Голландии, самым значительным в стране и известным за её пределами. Попойки студентов, напивающихся за два праздника, продолжались всю ночь, даже после закрытия всех таверн в городе. Рембрандт почти не пил, но ему пришлось довести до дома подвипившего Яна – если он свалится в какой-нибудь канал, не видать им славы и почестей.

4

Якоб ван Сваненбюрг и Ян Ливенс ввели Рембрандта в круг лейденских художников и торговцев искусством. Как и задумал, Рембрандт прежде всего навестил своего первого учителя. Только он вошёл в гостиную, его встретила радостными восклицаниями и сердечными объятиями жена ван Сваненбюрга – чувствительная и эмоциональная неаполитанка Маргарита или Марго, как звал её муж и ученики за её спиной.

Якоб ван Сваненбюрг и Маргарита были счастливой парой. Всю жизнь горячо любимая мужем, Марго отвечала ему тем же. Благодаря любви, их разные характеры и темпераменты не противоречили друг другу, а гармонично дополняли. Иногда уравновешенная рассудительность Якоба гасила взрывчатость Марго, иной раз огненная страстность Марго зажигала спокойного Якоба. Их дети выросли в атмосфере не всегда согласия, но всегда любви и открытости. Рембрандт вспоминал своего первого мастера добрым словом и преклонялся перед упорством, с которым Якоб ван Сваненбюрг продолжал писать то, что считал нужным и что его волновало, невзирая на отсутствие спроса, хотя картины учителя в стиле Босха¹⁸ не производили впечатления на Рембрандта.

Растрогавшись, Марго заключила его в объятия:

– Ах, Рембрандт, дорогой мой, как любезно с твоей стороны посетить нас. Якоб будет безумно счастлив снова тебя увидеть. Он сейчас выйдет.

Якоб ван Сваненбюрг заставил себя ждать всего несколько минут. Он выражал свои эмоции гораздо сдержаннее, чем итальянка Марго:

– Надолго ли в Лейден, Рембрандт? Приехал навестить семью?

Ван Сваненбюрг знал об обучении Рембрандта у Питера Ластмана. Ученик не делал тайны из отъезда в Амстердам. Изучение живописи у двух или даже более мастеров являлось вполне обычным делом. Ван Сваненбюргу было приятно, что бывший ученик не забыл о нём, своём первом учителе.

– Я вернулся в Лейден, учитель. Буду здесь работать.

Удивление отразилось на благостном лице Якоба ван Сваненбюрга. Он думал, Рембрандт, по крайней мере, год проведёт в известной мастерской Ластмана. «Не слишком ли юноша самонадеян?» – спросил себя старый мастер. Рембрандт, рассчитывавший на помощь бывшего мастера, не стал ничего скрывать, а, напротив, обстоятельно изложил ван Сваненбюргу их с Яном планы. Он и Ливенс рассудили: ван Сваненбюрг, пишущий средневеково-босхский Ад и пляскиведьм, пытающийся продать свои картины в Утрехт, не посмотрит на них как на конкурентов. Рембрандт увидел как в течение его рассказа глаза бывшего мастера зажигаются любопытством:

– Работать вместе, в одной мастерской? Это... необычно.

¹⁸ Иероним Босх (1450 (?) – 1516) – нидерландский художник. Один из самых загадочных и непостижимых в истории живописи. Знаменит в том числе сценами Ада. Эту традицию продолжил Якоб ван Сваненбюрг.

Слушая Рембрандта, Якоб ван Сваненбюрг, не столько умный и проницательный, сколько добрый и опытный в житейских делах, сразу смекнул зачем пришёл к нему бывший ученик. Приглашение на ближайший приём в его доме последовало незамедлительно:

– Думаю, не помешает, если я представлю и порекомендую тебя нескольким друзьям.

– Благодарю вас, учитель, вы так великодушны, – искренне поблагодарил Рембрандт, ибо это была истинная правда.

На вечере у Якоба ван Сваненбюрга Рембрандт заново познакомился с Петрусом Скривериусом, ван Сваненбюрг представил ему Рембрандта как начинающего, подающего большие надежды художника:

– Дорогой Петрус. Позволь представить моего бывшего ученика, даровитого Рембрандта ван Рейна. Он только что закончил обучение у Питера Ластмана в Амстердаме и теперь обосновался в Лейдене.

Якоб ван Сваненбюрг знал, что делал, упоминая Ластмана. Скривериус благоговел перед стилем Питера Ластмана и имел в своей коллекции картины художника. Вместе с интересом к новым именам в живописи, это вполне могло обеспечить Рембрандту его первое внимание, а далее... Всё произошло даже быстрее, чем рассчитывал Якоб ван Сваненбюрг. Уже в конце приёма Скривериус обратился к Рембрандту:

– Господин ван Рейн, у меня есть для вас предложение, точнее говоря, заказ. Будет удобнее обсудить его у меня дома, если вы готовы зайти ко мне в ближайшие дни.

– К вашим услугам, господин Скривериус.

Его представили другу Скривериуса, Каспару Барлеусу¹⁹. Как и Скривериус, Барлеус читал лекции в лейденском университете. Рембрандт терпеливо выслушивал их проникновенные речи о состоянии искусства и литературы – оба покровительствовали и начинающим поэтам – в Голландии, ходил с Ливенсом на вечеринки и приемы, если отказ трактовался невежливостью и мог повлиять на его будущее художника. Но главным по возвращению в Лейден стала работа без продыху, ради которой он жертвовал приемами, знакомствами и развлечениями.

Скривериус заказал Рембрандту две картины для своей коллекции, по всеобщему признанию – одной из лучших в Лейдене. Рембрандт и Ян убедились в этом, увидев известное на весь город собрание живописи на одном из вечеров у Скривериуса.

В своём доме Петрус Скривериус перешёл на более свободный тон:

– Вы позволите называть вас просто по имени, Рембрандт? – и, дождавшись незамедлительного кивка Рембрандта, продолжал, – Виллем поведал мне, что вы вместе учились в латинской школе.

– Да, господин Скривериус, овладевали латинской грамматикой.

– Полагаю, латынь пошла вам обоим только на пользу, – вежливо рассмеялся Скривериус и тут же перешёл к делу. – Я хотел бы заказать вам две картины. На одной – изобразить христианского мученика. Определённых предпочтений у меня нет, поэтому выбор ваш. Что же касается другой картины, мне нужен сюжет из новой поэмы Йоста ван ден Вондела²⁰ о Паламеде²¹. Вам придётся прочитать её.

– Я уже читал поэму, господин Скривериус.

– Чудесно. Надеюсь, она произвела на вас впечатление. Дело пойдёт быстрее. Вы уже знаете сюжет и можете приступить к работе.

¹⁹ Каспар Барлеус или Каспар ван Барле (1584 - 1648) – голландский поэт, писатель, философ, медик.

²⁰ Йост ван ден Вондел (1587 – 1679) – выдающийся голландский поэт.

²¹ Паламед – герой греческой мифологии, участник Троянской войны. Герой трагедий Эсхила, Еврипида, Софокла. Более всего известен конфликтом с Одиссеем.

Рембрандт не раздумывал долго о первой картине, его выбор сразу пал на одного из первых христианских мучеников, фактически – первого, Святого Стефана. Он напишет момент страшной казни святого побиением камнями, это должно выглядеть драматично. Что до второй картины, то как раз на днях Рембрандт, по совету искушённого в литературе Каспара Барлеуса, закончил чтение упомянутой Скривериусом, недавно вышедшей и мгновенно ставшей модной поэмы Йоста ван ден Вондела – одного из самых великолепных современных поэтов страны, по словам Барлеуса – о бедняге греческом воине Паламеди. Невинный, но оклеветанный и несправедливо обвиненный в измене хитроумным, мстительным Одиссеем, припомнившим Паламеду развенчание его хитрости и вынужденный поход на войну. Йост ван ден Вондел написал поэму для постановки в театре и художник собирался поехать в Амстердам посмотреть представление. Рембрандт благодарил Барлеуса, он теперь точно знал сюжет, который напишет: Паламед, стоящий на коленях перед греческим царем Агамемноном, приговорившим воина к казни побиением камнями, и пытающийся оправдать себя.

Он написал обе картины в стиле Питера Ластмана – Скривериус высоко ценил его историческую живопись и Рембрандт понимал, что заказчик рассчитывает на ластмановский стиль. Ливенс, увидев картины, рассмеялся, присвистнул и шутливо спросил:

– Кто их писал? Ты или Ластман?

– Значит Скривериус будет вполне удовлетворён, – со смехом же парировал Рембрандт.

Он входил в свои картины, изображая себя одним из действующих лиц, и жил в них: становился участником неистовствующей толпы, казнящей Святого Стефана, или проживал античную историю о несправедливо обвенённом Паламеди. Его семью, пришедшую посмотреть на заказ Скривериуса, очаровала красочность картин и выразительные позы фигур. Они сосредоточенно рассматривали наряды и лица персонажей. На лице отца вдруг отразилось удивление, он увидел знакомую физиономию на картинах:

– Это ведь ты, Рембрандт!

Рембрандт улыбнулся и согласно кивнул.

– Почему ты изобразил себя в толпе казнящих святого? – изумленно воскликнул Хармен, глядя то на сына, то на картину, словно не до конца веря тому, что он видит.

– Я попытался представить себя актёром, играющим роль палача, – объяснял Рембрандт, – кроме того, художники иногда изображали себя на своих картинах, это что-то вроде подписи.

– И многие из них изображали себя злодеями? – с любопытством и некоей иронией в голосе спросил Адриан.

– Изобразить себя святым было бы слишком самонадеянно с моей стороны, – отшутился Рембрандт.

Он работал неистово, не замечая ни дней, ни ночей, ни Ливенса рядом, забывая о еде, сне и смене одежды, в иные дни и ночуя в мастерской. Нелтье сокрушённо качала головой, видя как сын добровольно изнуряет себя, и, в конце-концов, не выдержав, стала приносить ему обеды в мастерскую. Выходя на улицу, Рембрандт всегда имел при себе бумагу и карандаши – сделать быстрый набросок, если придётся увидеть интересный типаж, сценку или пейзаж.

Он много, без усталости писал: заказные портреты лейденских бюргеров, отца с матерью, братьев и сестёр, просил позировать Яна. Вспомнив однажды картины Яна, изображающие пять чувств, выполненные и проданные несколько лет назад, Рембрандт написал свои пять чувств – пять сатирических картин, над которыми Ливенс хохотал до упаду, вылетавшие одна за другой из под его кисти с необычайной скоростью. Всегда стремительно писавший Ян диву давался, видя такую прыть, нехарактерную и неожиданную для Рембрандта, работавшего медленно. Впрочем, Рембрандт снова и снова возвращался к казалось бы уже законченным картинам: что-то ему не нравилось, что-то он переделывал, что-то подправлял.

Рядом с Рембрандтом изо дня в день с усердием трудился Ян Ливенс, но, в противовес компаньону, он не забывал о развлечениях, всегда находил время покутить. То и дело Рембрандт отклонял приглашение Ливенса посетить вечером какой-нибудь кабачок и поболтать с собратьями по кисти за кружкой пива. Ян неизменно издавал театральнo-безнадёжный вздох и выразительно крутил пальцем у виска. Тотальная занятость Рембрандта не оставляла времени для знакомств с женщинами да и не отличался он большими умениями по этой части. На помощь пришёл всё тот же неунывающий Ливенс:

– Посещение борделей, – разглагольствовал приятель, размахивая руками, – выглядит нереспектабельно. Лучше иметь подружку – даму сердца, или подружек, – тут же со смехом поправлялся он.

Весёлый, пронырливый Ян, поспевающий везде, познакомил его с миловидной Маргаретой, продающей цветы в цветочной лавке. Молодая женщина, тольконесколькими годами старше Рембрандта, она испытала уже вдовью долю – её муж погиб в морском сражении с испанцами, когда закончилось перемирие и снова началась война.

Однажды Ян принёс в мастерскую задумчивость и рассеянность вместо обычной весёлости, еле возил кистью по доске. Рембрандт, прекрасно знавший приятеля, оторвался от своей работы:

– Ян, отложи кисть и выкладывай, что у тебя на уме.

Ян будто ждал этих слов, тут же отбросил кисть, вскочил со стула и без предисловий начал с главного:

– Что ты скажешь, Рембрандт, если нам заняться гравюрой вместе с живописью? Все гравировали: ван Лейден, Дюрер. А Раймонди²² известен только своими гравюрами.

«Эко тебя понесло, приятель... Дюрер», – мысленно усмехнулся Рембрандт. Но предложение Яна пришлось ему по душе. Он не раз задумывался о гравюре, но очередная срочная работа то и дело отрывала от этих мыслей.

– Скажу, что полностью тебя поддерживаю. Гравировать и производить эстампы стоит дешевле и это гораздо быстрее живописи. Хорошие эстампы всегда пользуются спросом.

Они, как правило, травили медные пластины кислотой, но сухой иглой и резцом тоже работали. На первых порах компаньоны отдавали печатать эстампы, но со временем купили станок и сами печатали со своих пластин. Иногда глухими, промозглыми зимними вечерами Рембрандт шёл на берег Рейна и, прикрыв глаза, подставлял лицо суровым лейденским ветрам или мягким осенним днем ловил опадавшие с деревьев листья, ощущая их невесомо-лёгкие прикосновения, а затем стремглав мчался в мастерскую и пытался изобразить линиями, штрихами и точками в пейзаже на медной пластине, то что чувствовал несколько минут назад.

Он рисовал неисчислимые автопортреты. Карандашом и красками. В разных образах, в разных позах. Вот здесь он – нищий попрошайка, а там – вальяжный господин в роскошных восточных одеждах. Стоя перед зеркалом, он корчил гримасы, рассматривал, изучал различные выражения лица: удивленное, сердитое, нахмуренное, испуганное и делал быстрые наброски карандашом, а иногда красками под смешки Яна, сидящего перед своим холстом или доской. Рембрандт написал себя в военном металлическом нагруднике. Война с Испанией за независимость родной страны продолжалась, и сюда, в Лейден, быстро доходили вести о победах и поражениях голландских войск, которыми командовал штатгальтер²³ Фредерик Хендрик, принц Оранский. Последняя весть – о победе при Хертогенбосе. По этому случаю Якоб ван Сваненбурх и Марго устроили шумную вечеринку. Рембрандту пришлось пойти, не хотелось обижать бывшего учителя неблагодарностью. Победа имела для учителя особое,

²² Маркантонио Раймонди (1470 – 1534) – выдающийся итальянский гравёр Возрождения.

²³ штатгальтер (или статхаудер) – один из главных постов исполнительной власти в республиканской Голландии. Являлся также главнокомандующим армии. По традиции этот пост занимали представители княжеского дома Оранских.

символическое значение: давным-давно в Хертогенбосе жил и творил боготворимый ван Сваненбурхом художник – Иероним Босх. Когда-то учитель все уши им прожужжал о таинственном, непостижимом маэстро Босхе; все работы мастера пытался скупить набожный и жестокий испанский король Филипп²⁴, рассылая повсюду своих агентов.

Ян, в порыве патриотизма, написал портрет Рембрандта в кирасе, выглядывающей из-под одежды, а затем похожий автопортрет. Рембрандт находил время позировать

Яну, нравилась идея побывать «внутри» картин не только своих но и Яна. Он любил светлые, эффектные, стремительно написанные картины Ливенса.

Студёным февральским вечером, когда Рембрандт работал один в промозглой мастерской, где тепло сохраняли только до такой степени, чтобы не замерзали краски, в дверь постучали. Рембрандт недовольно оторвал взгляд от только что подготовленной для очередной картины дубовой доски и прокричал чтобы вошли. Вошедший, не мешкая, прошёл к Рембрандту:

– Доброго вам вечера. Я ищу художника Рембрандта ван Рейна, не вы ли это?

– Да, ван Рейн – это я.

– Прекрасно. Быстро разыскал вас. Я уже побывал у вас дома, но меня отправили сюда, сказали – я обязательно найду здесь или вас или Яна Ливенса, вы ведь работаете вместе.

Рембрандт молча кивнул. Вошедший, наконец, представился:

– Я Йоханес Доу, мастер стеклянных витражей.

– Я много слышал о ваших умениях, мастер Доу.

– Прекрасно. Я пришел, чтобы покорнейше просить вас, господин ван Рейн, взять в обучение моего сына – Геррита.

– У меня нет учеников, мастер Доу.

– Прекрасно. Геррит будет вашим первым учеником, если вы согласитесь, господин Ван Рейн. Моему сыну четырнадцать лет, он учился витражной росписи и помогал мне в работе, поэтому он много знает о красках и умеет их приготовить. Он хочет стать живописцем. Вот я и пришел к вам...

Так в мастерской Рембрандта появился его первый ученик – Геррит Доу²⁵. В следующем году пришел второй – сирота Исаак де Йодервиль. Его отец – француз, осевший в Голландии и женившийся на голландке, вместе в французской внешностью оставил сыну приличное состояние, дожидавшееся его совершеннолетия. Их стало четверо в мастерской.

Рембрандту пришлось привнести в свою работу и жизнь определенный режим: Исаак де Йодервиль, с согласия назначенных ему опекунов, жил теперь в доме ван Рейнов. Работа с учениками требовала каждодневного времени и внимания. Рембрандт заново вспоминал всё, чему и как его учили собственные учителя. Подготовленность учеников стояла далеко друг от друга. Геррита, помогавшего расписывать витражи перед приходом к Рембрандту, подготовил отец. Он разбирался в красках и кистях, знал азы живописи и хорошо писал. Исаак умел кое-как рисовать, но ничего не смыслил в живописи, ему требовалось обучение с самых простейших основ. Малыш Геррит смотрел сверху вниз на высокого Исаака и беспрестанно поучал, но обезоруживающе добродушный Исаак воспринимал слова Геррита не как назидания, а как советы. Пришло время, когда Геррит сам устал от постоянного поучительно-покровительственного тона. Жизнь и работа под одной крышей не всегда была безоблачной. Геррит изводил всех своей болезненной приверженностью к безукоризненной чистоте и опрятности. Его рабочие принадлежности неизменно должны быть безупречно начищены, лежать в строго определённых местах, в раз и навсегда заведённом порядке. Любое несоответствие вызывало у него раздражение. Остальные обитатели мастерской только глаза к небу закатывали. Рем-

²⁴ Филипп II Габсбург Испании (1527 – 1598).

²⁵ В разных источниках можно встретить Геррит Доу или Герард Доу.

брандт не раз порывался выгнать в шею противного мальчишку. Но всякий раз его останавливало одно обстоятельство: несносный зануда Доу был невыносимо талантлив. Он мог часами сидеть, кропотливо выписывая под увеличительным стеклом какую-нибудь бусину или ноготь. «Тоже мне, ван Эйк»²⁶ – ворчливо бормотал себе под нос Рембрандт, а глаза его смеялись. Исаак научился делать отличные копии. На одном из уроков Рембрандт усадил обоих учеников копировать свой автопортрет в богатом восточном костюме. Прождав определённое на задание время, он взглянул на результаты и не с первого взгляда смог отличить свой автопортрет от копии Исаака, так она получилась точной. Ян веселился от души. Через несколько дней Рембрандт красноречиво нарисовал на своем автопортрете собаку. Исаак не решился быть столь дерзким, чтобы повторить то же самое на своей копии.²⁷

5

Субтильного сложения мужчина чуть за тридцать с тонким лицом и тёмными вдумчивыми глазами сидел в карете, направляющейся в Лейден. Его строгий чёрный камзол простого покроя, но безупречно пошитый и из дорогой материи, безукоризненно белые манжеты и гофрированные брыжи, чёрная высокая шляпа, уже несколько старомодная, выдавали человека, представляющего солидную компанию, или государственного служащего. Константин Хейгенс, секретарь штатгальтера Голландии принца Фредерика Хендрика Оранского, недавно получил этот высокий, ответственный пост и рьяно принялся за свои обязанности. Константин Хейгенс прекрасно понимал, что в его назначении родственные связи сыграли не последнюю роль. Его отец всю свою жизнь был секретарём Оранских и его брат Мориц состоял на государственной службе. В то же время он сознавал, что отличное разностороннее образование, глубокие знания в истории, юрисдикции, литературе, владение несколькими языками, работа в дипломатических миссиях в Англии и Италии, опыты в поэзии, музыке, рисовании и живописи также принимались во внимание, когда рассматривались кандидаты.

Одну из многих своих обязанностей как секретаря штатгальтера он считал чрезвычайно важной и полагал в ней себя знатоком. Она состояла в подаче советов Фредерику Хендрику в области искусства и по поводу личных коллекций принца Оранского и его супруги принцессы Амалии. Страстный поклонник живописи с одной стороны и патриот с другой, он мечтал о плеяде взращённых на земле Объединённых Провинций художников, стоящих в одном ряду с великими именами Италии и Фландрии во славу родной страны. Константин неустанно рыскал по Голландии, разыскивая даровитых художников, которые могли бы потягаться с ван Дейком²⁸ или даже с самим Рубенсом. Имя Питера Пауля Рубенса и Хейгенс и принц Фредерик Хендрик произносили с придыханием. Никто не мог затмить обожаемое божество. Принц Фредерик Хенрик собирался вскоре сделать заказ «художнику королей и королю художников», «восьмому чуду света», как называли Рубенса принц, его секретарь и вся Европа. Константин Хейгенс напишет Рубенсу, когда принц решит на какие сюжеты должны быть картины. Фредерику Хендрику, вероятно, придётся подождать своего заказа. Ну что же, все ждут. Рубенс разрывается, выполняя

заказы для всех европейских дворов. А не иметь картин от Питера Пауля Рубенса неприлично. Какжаль, что Рубенс живёт и работает во Фландрии, на враждебных Габсбургов²⁹

²⁶ Ян ван Эйк (1385 (?) – 1441) – выдающийся раннеидерландский художник. Был в том числе известен яркостью и чистотой цвета и особой тщательностью выписывания каждой детали.

²⁷ Копия дожила до наших дней и находится в Лейдене, оригинал Рембрандта – в Музее Изыщных Искусств в Париже.

²⁸ Антонис ван Дейк (1599 – 1641) – выдающийся фламандский (южноидерландский) художник. Мастер барокко и придворного портрета. Самый талантливый из учеников и ассистентов Рубенса.

²⁹ Династия Габсбургов – один из самых могущественных королевских домов. В 16 -17 веках Голландия боролась за независимость от Испании, управляемой Габсбургами.

в конечном счёте. Ах, если бы он жил в Голландии, тогда он, непременно, работал бы в Гааге, при дворе штатгальтера. Между тем, переманить Рубенса не представляется возможным. Эрцгерцогиня Изабелла³⁰ осыпает его золотом, холит и лелеит, позволила жить в его любимом Антверпене, а не в Брюсселе, но никогда никуда от своего двора Рубенса не отпустит... Сильный толчок кареты, наскочившей на кочку, вернул Хейгенса в действительность.

Основным делом, приведшим Константина Хейгенса в Лейден, был визит к молодым лейденским художникам – Яну Ливенсу и Рембрандту ван Рейну. Слухи-толки о необычном дуэте даровитых живописцев из Лейдена вращались в Амстердаме, Гааге, и в других городах Голландии. Тот факт, что два молодых таланта уже несколько лет работали бок о бок в одной мастерской вызывал любопытство. Константин Хейгенс подумал: стоит поехать в Лейден и лично познакомиться с художниками и их работами. Но перед знакомством с молодыми мастерами счёл нужным, раз уж он в Лейдене, нанести ещё два визита: посмотреть коллекцию Петруса Скривериуса – он, наверняка, уже там увидит работы обоих художников – и визит вежливости Якобу ван Сваненбюрху. Константину доставило удовольствие снова прогуляться по Лейдену – городу его студенческих лет, наполненным напряженной учебой и весёлыми пирушками. Не желая терять ни своего, ни чужого времени или быть неожиданным гостем, Константин предупредил о своих посещениях, заранее послав всем письма.

Первые два визита, как он и рассчитывал, длились недолго. Коллекция Петруса Скривериуса, в самом деле, заслуживала уважения, историк то и дело принимал посетителей, приехавших в Лейден взглянуть на нее. В доме Якоба ван Сваненбюрха Константин услышал исчерпывающую информацию об обоих художниках, особенно о Рембрандте ван Рейне, который три года обучался у ван Сваненбюрха, а теперь сам имел двух учеников. В Лейдене только о них и говорят. Благодаря этим двум молодым мастерам, Лейден вновь выходит на арену живописи после столь долгих лет, с воодушевлением вещал Якоб ван Сваненбюрх. Можно надеяться, здесь вскоре снова возникнет гильдия Святого Луки. Господин Секретарь не зря проделал свой путь, скоро он в этом убедится. И старый мастер объяснил Константину как лучше всего добраться в западную часть Лейдена, к мастерской двух художников...

Ян, Рембрандт и ученики с раннего утра готовились к визиту секретаря принца Оранского. Мастерскую вымели, вычистили и проветрили – звёздный час для Геррита Доу. Работы, отобранные друзьями для показа, расставили и развесили с расчётом, чтобы на них выгодно падало освещение: историческую живопись, портреты, автопортреты, изображения апостолов и пророков, серии коих писались обоими художниками спина к спине, бюстовые портреты-троны, стремительно входившие в моду, персонажи в восточных одеяниях, которые – они это хорошо знали – особенно популярны в Гааге, натюрморты. Пейзажи представили, в основном, в эстампах.

На работы, готовые предстать перед взором господина Хейгенса, пришёл посмотреть Хармен ван Рейн. Его сопровождали Адриан с женой – последнее время Хармен чувствовал непривычную слабость, не мог подолгу работать, ему требовался отдых. Походив по уже почти прибранной мастерской, рассматривая картины Рембрандта и Яна, он присел на один из простых деревянных стульев. Такое количество картин, написанных его сыном и Яном и выставленных для показа, как в лавке торговца, вызвали в нем всплеск гордости за младшего сына. Хармен надеялся, что господину Хейгенсу понравятся работы. Как хотел он удачи для Рембрандта! Отдохнув немного, он засобирался домой – усталость снова давала о себе знать.

Специально по случаю приезда секретаря штатгальтера в мастерскую внесли и поставили изящный столик для угощения: выбрали французское вино, местное пиво и лёгкие

³⁰ Изабелла Клара Евгения (1566 – 1633) – инфанта из династии испанских Габсбургов. По замужеству – Эрцгерцогиня Австрийская. Наместница Нидерландов, в описываемое время – фактически только Южных Нидерландов.

закуски. Лисбет хлопотала у столика, готовя закуски, расставляя посуду, располагая белоснежные накрахмаленные салфетки. Когда Рембрандт попросил её помочь с приготовлениями, она с радостью согласилась, сгорая от любопытства лицезреть господина Константина Хейгенса, девушка надеялась, что брат позволит ей задержаться. Геррит и Исаак тоже хотели увидеть господина Секретаря. Рембрандт согласился представить ему своих учеников – может быть это пригодится им в дальнейшем. Мальчики обрадовались, втайне лелея надежду, что, может быть, и их имена запомнит господин Хейгенс.

Наконец раздался долгожданный стук в дверь мастерской, Ян стремглав помчался открывать. Открыв дверь и бросив быстрый взгляд на стоящего перед ним солидно одетого, темно-волосого мужчину, Ян мгновенно понял – это именно тот человек, которого они ждут и сделал пригласительный жест рукой:

– Господин Константин Хейгенс!?

– Константин Хейгенс, – подтвердил Хейгенс, входя в помещение.

– Это, я надеюсь, что не ошибаюсь, мастерская Яна Ливенса и Рембрандта ван Рейна?

– Совершенно верно, господин Секретарь. Для нас большая честь принимать вас у себя.

Позвольте представиться: я – Ян Ливенс, – уверенно, безостановочно трещал Ливенс, – а это мой друг и коллега Рембрандт ван Рейн.

– Рад познакомиться с вами, господа художники. Я специально для этого и проделал сегодняшний путь в Лейден, – не забыл подчеркнуть Константин Хейгенс.

Рембрандт представил Константину Хейгенсу учеников и Лисбет, они затем тактично отошли на второй план, а после и вовсе незаметно выскользнули из мастерской.

– Позвольте предложить вам освежиться с дороги, господин Секретарь. Вино, пиво и лёгкая еда, – снова подхватил Ян.

– С удовольствием, господа художники, только давайте сначала посмотрим ваши работы. Я вижу, вы уже всё расставили и развесили.

Рембрандт и Ян кивнули в знак согласия и все трое направились к картинам. Константин Хейгенс окинул работы первым долгим, внимательным взглядом и лицо его просветлело. Он подходил то к одной, то к другой картине, рассматривая их более подробно, издавая то и дело одобрительные и восхищенные междометия. Обрадованные компаньоны тихо стояли позади, даже словоохотливый Ян не произносил не звука. Константин, наконец, обернулся к художникам:

– Чудесный натюрмор. Трогателен и ярко-аллегоричен. Чья это работа?

– Это мой натюрморт, господин Хейгенс, – мгновенно отозвался Ян.

– Аллегория суеты, не так ли? – Хейгенс обернулся к Яну, утвердительно кивнувшему. – отличная композиция: маленькая булочка чуть в стороне и как будто незаметна, однако сразу бросается в глаза.

– Благодарю, господин Секретарь, – Ян явно гордился первой похвалой, доставшейся именно ему.

– И это ваша работа? – Хейгенс взглядом указал на довольно большое полотно, – Понтий Пилат?

– Понтий Пилат, – эхом подтвердил Ян.

– И я уверен, что знаю, кто был одной из ваших моделей, – рассмеялся Константин Хейгенс, смотря на юношу, поливающего воду на руки Понтию Пилату, – господин ван Рейн, это довольно точный ваш портрет в профиль.

– Да, это я позировал Яну, – улыбнулся Рембрандт.

– А это – ластмановское влияние, – Константин Хейгенс смотрел на «Валаама и ослицу» Рембрандта. Мне приходилось видеть «Валаама» Ластмана. Вы знакомы с Питером Ластманом?

– Не просто знакомы, мы оба учились у него, – выпалил Ян.

Хейгенс подошел к нескольким портретам и какое-то время внимательно их рассматривал:

– Замечательные портреты, замечательные...

– Эти портреты – мои, господин Секретарь, а эти – Яна

Он направился дальше, сопровождаемый художниками, остановился перед очередной картиной, совсем небольшой, и замер на несколько мгновений, затем долго рассматривал ее с разных углов, передвигаясь из стороны в сторону. Рембрандт, это была его картина, занервничал, переминаясь с ноги на ногу, ожидая, что скажет секретарь штатгальтера. Ян с любопытством и выжиданием наблюдал за обоими.

– Великолепная работа, – негромко, но с чувством произнес, наконец, Константин Хейгенс.

Рембрандт просиял. Ян тихонько дружески хлопнул его по плечу. Самоуверенный Ян считал Рембрандта в некотором роде своим подопечным и порадовался за друга, но в его душу невольно закралась лёгкая зависть, как не старался он её отгонять.

– Спасибо, господин Секретарь. Это мой Кающийся Иуда, возвращающий тридцать серебрянников.

– Монеток ровно тридцать, можно посчитать, – пошутил Ян

– Такого и в Италии ещё поискать, – восхитился Константи Хейгенс, – на мой взгляд, эту картину можно смело поставить в один ряд с лучшими итальянскими образцами. Какая эмоциональная сила! Чувства и эмоции изображены так естественно, так звонко и чисто. Красно-речивая поза кающегося Иуды, его судорожно, до боли сцепленные руки, выражение отчаяния на лице никого не оставят равнодушным. Как вы смогли сочетать всё это в свои молодые годы!? Браво Рембрандт! Я хотел бы купить её для себя. Она закончена?

– Да, я закончил её совсем недавно, – не очень уверено ответил Рембрандт. «Закончена, – хихикнул про себя Ян, – ты, наверное, ещё не раз и не два вернулся бы к ней. Интересно, бывают ли у Рембрандта законченные картины?».

– Ещё мне хотелось бы купить у вас обоих несколько портретов, фигур в восточных одеждах и автопортретов для штатгальтера Фредерика Хендрика.

– Какие захотите, господин Секретарь, это очень любезно с вашей стороны, – радостно воскликнул Ян. – Не желаете ли бокал вина?

– Теперь – с удовольствием, – и все трое направились к столику с вином и закусками.

– Господин Ливенс, должен сказать, что вы отменный портретист и вам, пожалуй, стоило бы сосредоточить свои усилия в этом жанре.

Рембрандт, как ни старался быть сдержанным, испытывал чувство распирающей радости и впервые – чувство превосходства над Яном. Ян Ливенс, может быть и по праву, смотрел на него как на своего младшего и менее опытного, хотя и не менее талантливого, сотоварища. Вместе с тем Рембрандт почувствовал лёгкую неловкость оттого, что основные лавры достались ему и оттого, что он почти ощущал неловкость Яна. Поэтому, когда он услышал похвалу в адрес Яна, он обрадовался за приятеля и просиял вместе с Яном.

– Благодарю вас, господин Секретарь. Если вы пожелаете, я почёл бы за честь написать ваш портрет, – предложил Ян

– Буду очень рад. У меня есть портреты от Томаса де Кейзера и от Антониса ван Дейка. Буду счастлив иметь портрет и от вас, господин Ливенс. Сразу оговорюсь, что если вы согласитесь, вам придётся прибыть в Гаагу для этого заказа. Я не смогу приезжать в Лейден для сеансов. Но если вы сочтёте возможным приехать, вам не придётся беспокоиться ни о чём, кроме самого портрета.

Ян Ливенс испытал лёгкое головокружение – его имя поставили в один ряд с именем Антониса ван Дейка, когда-то самого известного ученика и ассистента божественного Рубенса, а теперь, недавно вернувшегося из Италии, – одного из наиболее почитаемых художников

в Антверпене, исключая само божество, конечно. Рембрандт подумал, что он рановато сверг Яна с пьедестала.

– Я с удовольствием приеду в Гаагу для вашего портрета когда вам будет угодно.

– Прекрасно, господин Ливенс, Я вам напишу и мы обо всем договоримся.

– Буду ждать вашего письма, господин Секретарь

– Перед визитом к вам, – продолжал Константин Хейгенс, – я посетил маэстро ван Сваненбурха, он отрекомендовал вас как талантливых и многообещающих художников (Рембрандт снова с благодарностью подумал о своем первом учителе). Вижу, маэстро совершенно прав. И ради ваших же лучших перспектив вам стоит перебраться в Амстердам. В Лейдене живет много учёных, прекрасный университет, где и я был студентом, но Амстердам – более подходящий город для таких художников как вы. Тем не менее, прежде всего вам необходимо подумать об учебном визите в Италию. Вы оба очень талантливы, но, чтобы отточить и усовершенствовать мастерство, необходимо путешествие в Италию, изучение великолепных образцов итальянской живописи и скульптуры. Кроме возможности совершенствования в технике, Италия даст вам огромное вдохновение и желание творить. Её атмосфера способствует сильным эмоциям, впечатлениям и поэтому чрезвычайно благотворна для художника. И я, возможно, смог бы хлопотать о частичной государственной финансовой поддержке такого учебного визита.

– Мы только начинаем об этом думать, господин Секретарь, – уклончиво ответил Рембрандт. – Мой первый мастер, маэстро ван Сваненбурх, также весьма высокого мнения о значимости такого путешествия для художника...

– И Питер Ластман, у которого мы учились в Амстердаме, думал то же самое, – вставил Ян. Он усмехнулся про себя, слыша этот сомнительно-дипломатичный ответ от недипломатичного Рембранта. Уж он-то прекрасно знал об отрицательном отношении ван Рейна к путешествию и обучению в Италии. Сам он считал что такое путешествие принесло бы только пользу. Во всяком случае, в итальянском опыте не было бы никакого вреда.

Рембрандт бросил недовольный взгляд на прервавшего его Яна и продолжал:

– Однако, итальянских картин и гравюр можно в достаточном количестве видеть и здесь, в Голландии, особенно в Амстердаме. Их много на аукционах, в галереях и в лавках торговцев. И так мы не потеряем времени.

Ян шутиливо подумал, что дипломатическая служба была бы Рембрандту не по плечу, да и не по душе. С другой стороны, в его словах был свой резон.

– Мне кажется, Рембрандт, ваша ремарка о потере времени слегка неуместна, —с улыбкой, но довольно прохладно ответил Константин Хейгенс. Поездка в Италию – уже сложившаяся традиция для голландских живописцев. Прошу вас, господа художники, подумать о путешествии.

– Мы обязательно подумаем, господин Секретарь, – с готовностью выпалил Ян.

– Да, – только и нашёл что сказать почувствовавший себя не в своей тарелке Рембрандт.

Константин Хейгенс встал, показывая, что визит подошёл к концу. Рембрандт и Ян поднялись вслед за ним.

– Благодарю вас за приём, господа художники. Я чрезвычайно доволен визитом, так как нашёл что и надеялся найти – даровитых, хотя ещё молодых, но уже мастеров. Надеюсь, вас не затруднит прислать выбранные мною картины в Гаагу?

– Мы пришлём как можно скорее, – заверил Рембрандт.

– Благодарим вас за визит, господин Секретарь.

Друзья проводили Константина Хейгенса к ожидавшей его карете, любезно распрощались и вернулись в мастерскую.

– Рембрандт, ты мог бы быть помягче, говоря о поездке в Италию, – упрекнул его Ян Ливенс.

– Я не был груб, Ян, я только сказал то что думаю. Давай лучше позаботимся о том, чтобы поскорее отправить картины в Гаагу.

На обратном пути в Гаагу секретарю штатгальтера вполне хватило времени обдумать то, что он увидел. Константин Хейгенс возвращался довольным визитом в Лейден. Он согласился со старым маэстро Якобом ван Сваненбурхом, высоко оценившим двух молодых художников. Необычный дуэт, они такие разные. Ян Ливенс раскрепощён и очень самоуверен – может быть даже чересчур самоуверен. Вполне вероятно, что у него авантюрный склад характера. Рембрандт ван Рейн – противоположность. Он довольно замкнут и поэтому производит впечатление угрюмого и недоверчивого человека, особенно рядом с Ливенсом. Портрет Рембрандта, написанный Яном Ливенсом превосходен: как точно схвачен взгляд Рембрандта и даже его характер. Как показана суровость в этом мягко очерченном, юношеском лице. Да, Ливенс – отменный портретист. Ему следовало бы заняться именно портретами. Хотя его картины тоже недурны. У него верное чувство композиции, очень хороши линии и формы. Он предпочитает грандиозные масштабы: большие картины и крупные фигуры. Картины ван Рейна, напротив, небольшие, но эмоционально наполнены, в них чувствуется реальная жизнь, работы Ливенса кажутся несколько холодноватыми по сравнению с ними. Как смог этот юнец так изобразить кающегося Иуду!? Разные характеры, разные художники, но оба – великолепны и ещё так молоды. Им необходима поездка в Италию, она так много может дать им! И тогда – блестящее будущее! Голландские Рубенсы и Тицианы, взращённые здесь, в родной стране! Отдавал ли Константин себе отчёт, что в этом неустанном поиске одаренных людей была не только забота о Голландии, но и личные амбиции? Да, отдавал. Что же, одно неотделимо от другого. Он голландец, он любит свою страну и служит её интересам и амбициям. И своим. Константин Хейгенс выглянул из окна кареты. Вдали уже виднелась Гаага.

6

Вскоре после памятного визита Ян Ливенс получил послание от господина Константина Хейгенса. Секретарь штатгальтера приглашал его в Гаагу для написания своего портрета и предварительно оговаривал стоимость работы. Непомерно счастливый Ян, с нетерпением ожидавший этого письма, договорился о более поздних сроках на остальные заказы в Лейдене, распрощался со своими подружками, быстро собрался и отбыл в Гаагу предположительно на месяц.

Наступила зима, по городу гуляли колючие, обжигающие лицо лейденские ветра. Выпавший снег лежал на берегах Рейна серовато-белым покрывалом в пасмурные дни и разноцветно сверкающим, блестящим так, что приходилось зажмуривать глаза, чтобы на мгновение не ослепнуть, в солнечные. На центральной площади Дам и прилегающих больших улицах снег старательно счищали, а на окраинах довольная детвора лепила из него смешные фигуры. Когда выдавались безветренные дни, горожане – и стар и млад, и богат и беден – выходили на замёрзшие каналы и берега Рейна кататься на коньках или на запряженных лошадьми санях – резных, причудливо расписанных в попытке владельцев перещеголять один другого. Смеющиеся, раздумывавшиеся от весёлой беготни дети тащили за собой маленькие деревянные санки или возили на них друг друга. Рембрандт ходил на такие катания с Яном. Они не забывали захватить с собой бумагу и карандаши набросать несколько зарисовок зимних сенок или пейзажей в перерывах между катанием, сидя у одной из передвижных лавок, где продавалась всякая снедь и подогретое вино, разжигались небольшие костерки, чтобы погреться и погреть руки. Зимние сценки всегда пользовались популярностью, не выходили из моды и хорошо продавались, будь то картина или эстамп.

Во время катаний Ян легко и естественно завязывал знакомства с молодыми веселящимися девушками или с женщинами постарше. Рембрандт восхищался умениями Яна, его лов-

кой, отточенной обходительности. Ян смеялся, пытался учить Рембрандта искусству флирта, но Рембрандт, не отличавшийся весёлой общительностью и манерами Яна, только отмахивался от хохочущего «учителя».

На этот раз, за отсутствием Яна, Рембрандт пошёл на замёрзший Рейн, взяв с собой учеников и Лизбет. После нескольких кругов на катке он отвязал от башмаков коньки и устроился у костерка с карандашом и бумагой в руках. Геррит и Исаак, забыв обо всём, устроили соревнование, стараясь перегнать друг друга на коньках. Их звонкий, залиvistый смех раздавался, казалось, сразу во всех концах ледового катка. Рембрандт уже успел сделать несколько набросков Лисбет, катающейся на коньках, когда она подъехала к нему. Взглянув на рисунки, она громко расхохоталась:

– Рембрандт, ты мог бы изобразить меня не такой неуклюжей. Зачем ты нарисовал меня, упавшей на лед?

Подъехали мальчики и мастер усадил их сделать несколько набросков с натуры, которые он собирался посмотреть и подправить по приезду домой.

Рембрандт заканчивал маленькую картину, изображавшую художника и его творение, смотрящих друг на друга или, точнее сказать, творение и художника – мольберт с холстом показан на первом плане и «спиной» к зрителю, художник – в отдалении. Лицо художника Рембрандт написал контурно, неопределённо, черты лица едва различимы. Голые стены, стол с принадлежностями, художник во время работы с кистями в руках и мольберт. Больше ничего. Картина была лишена обычной яркости красок, Рембрандт выбрал тусклые, даже грязноватые цвета. Художник и его Ремесло. Художник и его Творение, ведущие молчаливый диалог. Взаимоотношения со своими работами, будь то портреты или исторические картины – самое важное в его жизни. Они и есть его жизнь.

Геррит Доу, одетый в рабочий халат и широкополую шляпу, с кистями в руках, позировал своему мастеру, Исаак готовил краски. Геррит, считавший себя по части изготовления красок знатоком, не имеющим равных, не уставал давать Исааку указание за указанием, вертеться во все стороны.

– Геррит, не вертись, не отвлекайся. Ты не даешь мне закончить работу. Исаак сделает всё так, как я ему сказал.

Раздался стук в двери. Исаак, сию же минуту воспользовавшись неожиданно возникшей передышкой, бросился открывать. Вошёл сияющий мужчина средних лет в камзоле, не старомодном, но и не по последней моде. В руках он держал зимний плащ добротной тёплой ткани, не подоткнутый, однако, мехом.

– Добрый день, – всё так же любезно улыбаясь, слегка поклонился господин, – если я правильно разыскал мастерскую, то передо мной, должно быть, господин ван Рейн или господин Ливенс.

– Рембрандт ван Рейн, – художник встал с деревянного табурета, – это мои ученики: Геррит Доу и Исаак де Йодервиль. Если вам нужен Ян Ливенс, то должен вас огорчить – он сейчас в отъезде. Но скоро вернётся. Он уехал в Гаагу выполнять заказ.

– Не заказ ли господина Константина Хейгенса, секретаря штатгальтера?

Рембрандт удивлённо уставился на незнакомца.

– Прошу вас, не удивляйтесь моей осведомлённости. Но позвольте представиться. Меня зовут Хендрик ван Эйленбурх, – просяив ещё более любезной улыбкой, он снова отвесил лёгкий поклон, – я торговец картинами, у меня галерея и лавка в Амстердаме. Моя профессия и объясняет осведомлённость, хотя относительно заказа для господина Секретаря – это всего лишь предположение, так как господин Ливенс находится в Гааге. В Амстердаме давно муссируются разговоры о вашем знаменательном дуэте. Знают там и о визите к вам господина Константина Хейгенса, о его восхищённых отзывах. В Амстердам вести доходят быстро.

Геррит и Исаак, открыв от любопытства рты и забыв их закрыть, наблюдали за диалогом, переводя взгляды с Рембрандта на незнакомца и обратно. Геррит забыл положить кисти на надлежащее им, по его мнению, место, как обычно сделал бы, он бросил их на рядом стоящий стол. Хендрик ван Эйленбюхх пригладил волосы, быстро оглядел мастерскую и, всё так же сияя, любезно продолжил:

– Я решил разыскать вас, что было несложно. Мне знаком Лейден, время от времени я бываю здесь по делам и навещаю дальних родственников. Не покажете ли вы мне картины ваши и господина Ливенса. Меня также интересуют и гравюры.

Рембрандт кивнул. Он так и стоял перед картиной с кистями в руках, слушая говорливого амстердамца. Хендрик ван Эйленбюхх прошёл к Рембрандту и взглянул на картину:

– Это ваша мастерская?

– Не только моя, это обобщенная мастерская, хотя писал я её со своей.

– Примечательная работа, как и ваше с Ливенсом сообщество. Мольберт крупным планом, а художник – мелким. Обычно всё наоборот. Прекрасная аллегория ремесла художника. Это заказ или на продажу?

– Картина ещё не закончена, но когда закончу, она пойдет на продажу.

– Я куплю эту картину, когда вы её закончите. Думаю, её можно недурно продать.

Вы разрешите мне навещать вашу мастерскую во время моих визитов в Лейден?

– Конечно, господин ван Эйленбюхх, навещайте когда вам будет угодно.

Хендрик ван Эйленбюхх приобрёл несколько небольших картин и эстампы, но совершал покупки с заметной, хотя и скрываемой, нерешительностью. Рембрандт понимал чем вызваны колебания. Несмотря на то, что о них уже знали и говорили в Амстердаме, ван Эйленбюхх ставил на новые, молодые имена и думал: а не прогадал ли он? Он рисковал и мог потерять.

Что до торговца, то он полагался на одно обстоятельство – чутьё. Хендрик ван Эйленбюхх занимался торговлей картинами и эстампами уже несколько лет и этим занятием обеспечивал своей семье неплохой доход и достойное проживание, но большим богатством похвастаться не мог. Он начал собственное дело с нуля, сделав несколько займов и ему всё ещё иногда приходилось занимать. Его уже хорошо знали в амстердамских кругах торговцев произведениями искусства и живописи, художников и их агентов, но его художественная лавка и галерея были не из самых больших в Амстердаме. За несколько лет ведения дела Хендрик ван Эйленбюхх, общительный и любезный по натуре, отлично разбирающийся в живописи, – сам когда-то ей учился – набил руку в торговле предметами искусства. Он внимательно следил за изменениями вкусов и моды. Сейчас он видел перед собой приличные картины, в основном в духе модного Ластмана или ещё более популярных утрехтцев, их вполне можно продавать. Для портретов, изображений святых и апостолов также можно найти покупателей-коллекционеров, хотя и не так быстро как для «утрехтских» картин. Эстампы со сценками из низкой, грубой жизни тоже кстати – такие сценки пользовались в данный момент большим спросом и быстро раскупались. Хендрик ван Эйленбюхх вверялся чутью; перекрывая сомнения и нерешительность, внутренний голос внушал ему, что этих двух молодых художников ждет большой успех.

Ян вернулся из Гааги и с упоением рассказывал о жизни при дворе штатгальтера Фредерика Хендрика Оранского, где ему посчастливилось побывать не один вечер. Все дневные часы он проводил за работой в доме господина Константина Хейгенса. Господину секретарю определённо понравился его портрет. Восхваляя уже который раз способности Ливенса – портретиста, он отметил, что Яну удалось точно схватить несколько напряженное, беспокойное выражение лица господина Хейгенса. Напряжение объяснялось семейными обстоятельствами. Молодая чета – Константин Хейгенс и его супруга – ожидала своего первенца. Милую жену господина Хейгенса Яну Ливенсу пришлось увидеть только два-три раза: всё это время она неважно себя чувствовала. Константин Хейгенс, обожавший жену и с нетерпением ожидавший

появления ребёнка, испугался. Выражение беспокойства не сходило с его лица, хотя доктор, приходивший едва ли не каждый день, говорил, что такое бывает и, по всей видимости, беременность протекает вполне благополучно.

Вскоре Рембрандт и Ян получили письмо от господина Хейгенса, он извещал художников о приятном событии: штатгальтер Фредерик Хендрик преподнёс их картины, из тех, что секретарь купил во время своего визита, английскому посланнику сэру Роберту Керру, а тот, в свою очередь – королю Англии. Король Карл³¹, известный своей любовью к живописи, регулярно покупал картины в свою коллекцию. Константин Хейгенс дал им рекомендации как восходящим звёздам Голландии.

7

Удачи одна к другой вселяли веские надежды на признание в скором будущем, а Рембрандт ощущал себя словно на горящих углях: отцу становилось всё хуже. Хармен ван Рейн угасал как тонкая свеча, неумолимо съедаемая язычком огненного пламени. Он ослаб и одряхлел, запавшие глаза в тёмных кругах плохо видели, он стал почти слепой. Врач, навещавший теперь не только Геррита, но и отца, не обнаружил никаких признаков чумы, постоянно поражавшей то один то другой город, или даже обычной простуды, он разводил руками и поднимал их к небу. Во время одного из визитов врач улучил момент и тихо сказал Адриану готовиться к самому худшему, но и без его предупреждения в семье уже понимали к чему идёт дело. Хармен ван Рейн, неустанно трудившийся всю жизнь, по привычке пытался руководить семейным делом, иногда навещался на мельницу, создавая лишние хлопоты домочадцам. Боясь, что он наткнётся на что-нибудь и упадёт или поранит себя, они посылали Лизбет вместе с отцом. Адриан перебрался в отчий дом, оставил своё башмачное ремесло и вернулся к семейному, мельничному, став старшим в семье и ведущим в фамильном деле.

Рембрандт чувствовал особую близость к отцу и благодарность за то, что Хармен ни разу не попрекнул сына, решившего отойти от потомственного ремесла и заняться иным делом, далеко не всегда прибыльным, не всегда даже гарантирующим хлеб с маслом. Рембрандт не находил себе места, видя умирающего отца. Его сердце, всё его нутро заполняли глухая, ноющая тоска и отчаяние. Иногда ему хотелось кричать от безысходности, оттого, что уже ничего нельзя сделать. Иногда его сковывал страх. И постоянное, гнетущее ожидание непоправимого. Может быть это и его смерть? Может быть так умирают?

Невзирая ни на что, он должен был заниматься с учениками и работать. Он занимался и писал, писал, писал. Делал бесконечные карандашные зарисовки своего дряхлого, ослабевшего старика, на позирование для портрета у Хармена не хватало сил. Писал портрет матери, превратив её в библейскую пророчицу Анну, кроткую старицу восьмидесяти четырёх лет в традиционном покрывале. Портрет Нелтье писали мальчишки и Ян. Геррит часами и днями сидел согнувшись с лупой над своим малюсеньким – почти миниатюрного размера – портретом³². Ян, тоже страдавший, глядя на мечущегося друга, словно сопротивляясь тягостному чувству, написал солнечный, умиротворённый портрет Нелтье³³. На её голове и плечах покоилось лёгкое покрывало в нежных розовато-желтоватых тонах. Увидев законченный портрет, Рембрандт невольно улыбнулся, лицо его просветлело. Ян порадовался, на несколько мгновений ему удалось вытащить друга из тисков тьмы.

³¹ Карл (Чарлз) I Стюарт (1600 – 1649) – король Англии с 1625 по 1649 год, когда он был казнён республиканцами.

³² Портрет в настоящее время находится в парижском Лувре. Существуют также портреты большего размера. Портретов Нелтье кисти Исаака де Йодервиля не сохранилось.

³³ Этот портрет Нелтье кисти Яна Ливенса сохранился до наших дней, в настоящее время находится в Канаде.

Рембрандт написал древнегреческую Андромеду на небольшой доске. Когда Ян по окончании работы взглянул на картину, он не смог произнести ни слова. Андромеда прикована к скале и ожидает смерти от лап морского чудовища. Чудовища нет, но нет и мужественного героя-спасителя Персея, поражающего чудовище и спасающего красавицу. Вместо классически правильного лица с глазами, полными надежды и благодарности Персею, на Яна глянуло откровенно некрасивое лицо, искажённое гримасой ужаса и безнадежности оттого, что неоткуда ждать помощи. Вместо прекрасного женского тела, которое можно было искусно изогнуть, ловко использовав прикованность цепями – обмякшие члены, отвислый живот, колени подкосились от сковавшего её страха, она не может подняться. Безысходность, отчаяние, ожидание неминуемого конца.

Между занятиями и заказами Рембрандт работал над Воскрешением Лазаря. Никто не заказывал ему этого библейского сюжета, картину он писал для себя. Иисус, силой своего слова и чудодейственной власти оживляющий мертвого, Лазарь, поднимающийся из гроба, словно внезапно пробудившийся после тяжёлого сна и ещё не совсем понимающий где он, что с ним происходит, и свидетели деяния, будто не до конца верящие чуду, случившемуся перед их глазами несколько мгновений назад. С самого начала художник отказался от мысли следовать итальянской традиции, свято соблюдаемой и Рубенсом, изображать Лазаря мускулистым красавцем совершенных пропорций, от которого не оторвать взгляда. Его Лазарь будет похож на соседа или на любого проходящего мимо голландца. Работа над картиной подходила к завершению, когда Ян тоже принялся за этот сюжет. Он задумал изобразить более ранний момент, когда из гроба поднимаются только руки Лазаря, а Иисус обращается к своему Всемогущему Отцу и благодарит его за наделённую силу оживлять. Когда Ян нанёс последний мазок на своего Лазаря и оба посмотрели на работы, друзья согласились, что картины вполне можно назвать парными: они были приблизительно одного размера – картина Ливенса чуть больше – и одна будто являлась продолжением другой. Когда Ян заканчивал своего Лазаря, Хармен уже мог передвигаться без помощи.

Душа болела ещё и оттого, что вопреки горестному положению в семье, Рембрандта неотвязно преследовали мысли о переезде в Амстердам. Как бы старательно он не отгонял их от себя, они неизменно возвращались. Друзья задумывались об Амстердаме, но прервавшись туда, они потеряли бы свою уникальность дуэта. Им пришлось бы работать отдельно. Подходящего случая или связей для отдельной работы не случилось, поэтому разговоры оставались разговорами, а они оставались в Лейдене. После визита Константина Хейгенса, его откровенно восторженных отзывов и замечаний об Амстердаме как о более благоприятном городе для их творчества, думы о переселении крепко засели в голове Рембрандта. Другим вариантом желанья выбраться из Лейдена стали, после визита господина Хейгенса, мечты о Гааге и дворе штатгальтера Фредерика Хендрика. С видами на возможное приглашение в Гаагу, Рембрандт и Ян внимательно штудировали каждую работу Рубенса, которую им удавалось увидеть. Питер Пауль Рубенс вызывал непреходящее восхищение при дворе принца Оранского. В Лейдене они нашли только эстампы, а в Амстердаме на аукционах встречались и картины. О плодотворности Рубенса, о быстроте и качестве его работы слагались легенды.

Сырым промозглым днём Рембрандт вернулся из мастерской раньше обычного: Исаак схватил где-то простуду и чувствовал себя скверно, капризуля Геррит был не в духе. Рембрандт рано отпустил учеников. Геррит помчался домой а Исаак пошёл с Рембрандтом – он жил у учителя. Дома Нелтье и Лисбет скребли и чистили кухню – голландский дом всегда должен быть безусловно чистым. Рембрандт отослал Исаака к себе в комнату отдыхать и отлёживаться, чтобы назавтра он чувствовал себя лучше, и попросил Лисбет приготовить юноше горячий травяной отвар. Он прошёл в комнату, где сидел на стуле отец, задумавшись о чем-то и устремив слепые глаза в одну точку:

– Рембрандт? Что-то вы сегодня рано вернулись.

– Да, отец, сегодня пораньше закончили. Исаак заболел, простудился где-то, да и у меня ничего не клеится, всё из рук валится. Как ты себя сегодня чувствуешь?

– Сегодня не так уж и плохо. Я даже хотел пойти на мельницу, но Адриан отговорил, да и у Лисбет работы много.

– Тебе не стоит ходить на мельницу, отец. Побереги себя. Если необходимо, я могу помочь братьям.

– Тебе нужно заниматься своим делом, своими картинами, Рембрандт. Много у тебя сейчас работы?

– Работа есть. Недавно снова приезжал из Амстердама агент господина ван Эйленбурха, торговца картинами, помнишь я тебе о нём рассказывал?

Хармен кивнул.

– Он, по поручению ван Эйленбурха, заказал мне и Яну по паре небольших картин с зимними сценками, они всегда неплохо продаются.

– Если господин ван Эйленбурх постоянно покупает твои работы, значит они ему интересны, значит приносят прибыль. Не мог бы он помочь тебе первое время закрепиться в Амстердаме? Люди вокруг говорят, что в Амстердаме художнику лучше живётся: заказов больше, платят солиднее. Я вижу, сын, что тебе хочется уехать из Лейдена.

Краска бросилась в лицо Рембрандту.

– Как ты можешь видеть, отец? – тихо произнес Рембрандт, – Я никуда не уеду.

– Вижу, – мягко, но уверенно ответил Хармен, – иные вещи я сейчас вижу гораздо яснее, чем в то время, когда зорко видел глазами. Я плохо вижу столы и стулья, но хорошо вижу, что ты удивлён и смущён.

Рембрандт молчал, с удивлением глядя на старика-отца. Хармен повернулся в сторону Рембрандта.

– В этой слепой неясной сумеречности, где едва различаются очертания вещей, я узрел какой-то особый свет.

– Какой свет, отец? – с любопытством спросил Рембрандт.

– Не знаю, смогу ли объяснить. Будто на меня излились тёплые лучи. Я теперь по другому вижу – своими чувствами и ощущениями. Я чувствую, я предвижу, что тебя ждёт большое будущее, но тебе нужно выбраться из Лейдена. И ты сам страстно желаешь этого, несмотря на все попытки подавить себя. Уезжай, следуй своей судьбе. Тебе все равно не удержаться в Лейдене.

– Ах, отец, – Рембрандт не нашёлся, что сказать в ответ и только закрыл лицо ладонями, – простишь ли ты меня, простит ли мама?

– Прощу. Матери будет нелегко, ты её любимчик, но она поймёт, она хочет для тебя лучшей доли, – еле слышно прошелестел Хармен. Ему уже было трудно вести этот ставший очень эмоциональным разговор.

Рембрандт всхлипнул, бросился к сидящему на стуле отцу, обнял его колени, уткнулся в них лицом, словно маленький мальчик, и отчаянно заплакал.

8

Хармен ван Рейн отошел в мир иной тихо и смиренно, во сне. Ясным апрельским утром его похоронили у церкви святого Петра – старейшей церкви Лейдена. Нелтье не плакала, словно окаменела, на глаза не навернулось ни одной слезинки. После похоронной церемонии она пришла домой, села в комнате и просидела до самого вечера не плача и ни с кем не разговаривая. Только через несколько дней из их с Харменом спальни, теперь только её спальни, слышались рыдания.

В неприбранной мастерской царило гнетущее молчание. Ни шуточных разговоров, ни заразительного смеха Яна, ни капризных замечаний Геррита, не произнёсшего ни одного слова о беспорядке. Дубовые доски для картин валялись где попало, везде разбросаны немытые кисти, палитры с засохшими на них красками кучей свалены на столе. Рембрандт с кистями и палитрой в руках сидел перед мольбертом.

Кончина отца была далеко не первой смертью, которую видел Рембрандт. Смерть всегда находилась где-то поблизости: неожиданно и быстро умирали дети, умирали знакомые от болезней, через год после его приезда скончалась от тяжкой простуды Махтельт. Но смерть отца потрясла Рембрандта так глубоко, что он не мог понять, живой ли он сам или мёртвый. Живой он был или мёртвый, он продолжал писать, нанося мазок за мазком на картину, изображавшую Иисуса Христа на кресте. Напротив стоял мольберт Яна и он наносил мазок за мазком на картину, изображавшую Иисуса Христа на кресте. Друзья работали спина к спине или мольберт к мольберту.

Геррит ван Рейн прожил чуть более полугода после кончины отца. Перед смертью он уже не испытывал приступов самобичевания. Рембрандту казалось, что брат угас от тоски. Его похоронили около той же церкви святого Петра, рядом с отцом.

В мастерской всё постепенно вернулось на круги своя: Рембрандт писал и занимался с учениками, рядом работал Ян, добродушный Исаак охотно помогал Нелтье с домашними хлопотами и тёр краски, занудливый Геррит делал ему замечания, которые тот терпеливо сносил.

Этим тёплым, но дождливым летом работа велась в сплошь просыревшей мастерской. В один из таких насквозь промокших дней Рембрандт и Ян получили письма от Константина Хейгенса. Художники, с надеждой ожидавшие вестей, как им казалось, целую вечность, едва не пустились в пляс от радости.

Рембрандту господин Хейгенс сообщал: штатгальтер Голландии принц Фредерик Хендрик Оранский желает заказать ему две картины о Страстях Господних. Все условия Рембрандт будет обсуждать с ним, секретарём штатгальтера. Супруга же принца Амалия ван Солмс пожелала свой портрет его кисти, который сочетался бы с портретом её супруга, написанным ранее Герритом ван Хонтхорстом³⁴. Поэтому, если господин ван Рейн согласится выполнить заказы, не соблаговолит ли он в ближайшее удобное ему время приехать в Гаагу взглянуть на портрет принца Фредерика Хендрика и договориться о сеансах позирования...

Солидный заказ из Гааги будил многообещающие надежды на вероятное будущее художником при дворе штатгальтера. Рембрандт начал скорые сборы, дабы не мешкая отправиться в Гаагу на два-три дня. Возможно, он уже сделает первые наброски с принцессы Амалии ван Солмс.

Письмо для Яна содержало не менее радостные вести: картины господина Яна Ливенса, преподнёсенные через английского посланника в Голландии в дар королю Англии Карлу, пленили короля. Посланник Керр дал господину Ливенсу прекрасные рекомендации, основанные на картинах и на его, Константина Хейгенса, рекомендациях. Король изъявил желание пригласить господина Ливенса в Англию писать портреты королевской семьи и картины по историческим сюжетам. Вопрос практически решён и господин Ливенс, если он согласен, может ожидать официального приглашения. Это, возможно, займёт не один месяц, так как переговоры, вполне успешные, ведутся сейчас и с господином Антонисом ван Дейком в Антверпене. По каким-то своим причинам король Чарльз желает, чтобы оба художника прибыли примерно в одно время...

³⁴ Геррит (Герард) ван Хонтхорст (1590 – 1656) – голландский художник, работавший в утрехтском т. е. италязированном стиле.

Рембрандт и Ян витали на седьмых небесах от счастья, от пришедшей неожиданно, несмотря на надежду и ожидание, удачи, поздравляли друг друга, благодарили Хейгенса, Провидение и Господа Бога. Для Нелтье, с болью в сердце постепенно свыкавшейся с мыслью о дальнейшей жизни без Хармена и Геррита, эта новость явилась хоть каким-то утешением: её талантливого сына по настоящему заметили, отличили, теперь он будет писать картины для самого штатгальтера Голландии.

Рембрандт тотчас отписал Константину Хейгенсу: он счастлив выполнить заказы принца Фредерика Хендрика Оранского и принцессы Амалии ван Солмс и готов выехать в Гаагу в любое, удобное для принца и его супруги время, чтобы ознакомиться с портретом принца и, если случится возможность, сделать первые наброски для портрета принцессы Амалии. Получив от Хейгенса приглашение, он быстро упаковал саквояж, помчался на центральную площадь Дам и отбыл в ближайшем дилижансе до Гааги. В Гааге Константин Хейгенс представил художника Фредерику Хендрику Оранскому и Амалии ван Солмс. Рембрандт снял размеры и сделал наброски с портрета штатгальтера кисти ван Хонтхорста, провел сеанс позирования с Амалией ван Солмс. Далее переговоры велись с Константином Хейгенсом: о дальнейших сеансах, для которых Рембрандту придется ещё не раз посетить Гаагу, о специальном пожелании принца, касающемся картин о страданиях Христа – обе доски должны иметь закругленную, арочную форму в своей верхней части. Вернувшись из Гааги, Рембрандт немедленно окунулся в работу, которой у него теперь по самое горло. Он не думал долго о сюжетах из страданий Христа. Конечно, он напишет традиционные Распятие Иисуса Христа и Снятие с Креста.

9

Хендрик ван Эйленбюрх не прислал своего агента, а пожаловал в мастерскую собственной персоной и, едва переступив порог, объявил, что у него для Рембрандта и Яна есть предложение, которое, как ему кажется, может заинтересовать их обоих.

– Господин ван Рейн, от своего агента я знаю о постигшем вашу семью несчастье – две смерти за такое короткое время. Я выражаю вам свои искренние соболезнования, – сначала он вежливо упомянул о печальных событиях.

– Спасибо, господин ван Эйленбюрх.

– Тем не менее, нужно продолжать жить, – Хендрик ван Эйленбюрх не смог избежать банальной фразы, чтобы повернуть разговор к делу. – Я вижу, у вас здесь вовсю кипит работа.

– Да, господин ван Эйленбюрх, мы напряжённо работаем. Недавно я вернулся из Гааги, где получил заказы от принца Фредерика Хендрика Оранского и его супруги. Есть и другие заказы. Ян Ливенс ожидает в скором времени формального приглашения ко двору короля Англии, – Рембрандт повернул голову в сторону приосанившегося Яна.

Он не упустил случая лишний раз продемонстрировать их с Яном быстрое продвижение. Почему они должны скромно помалкивать о своих успехах? Писать для принца Оранского посчитал бы за честь любой художник Голландии. Весть о скором приглашении Яна к английскому двору звучала не менее значительно.

– Мои сердечные поздравления, господа художники, – расплылся в улыбке ван Эйленбюрх, – такие лестные заказы и завидные предложения сделали бы честь самым именитым художникам Голландии, – повторил он вслух мысль Рембрандта. – Однако, позвольте продолжить. Моё предложение скромнее и теперь оно коснётся только вас, господин ван Рейн. Видите-ли, я хотел бы расширить свое дело. Не просто купить большую лавку или галерею, а организовать мастерскую, которая займётся производством картин, эстампов и их продаж. Я буду брать заказы на портреты, картины, копии с известных мастеров. Мне нужны дельные художники, которые возглавят мастерскую, я уже назвал её Академией. Я приехал предложить это вам обоим, господа художники, но после таких приятных новостей о господине Ливенсе, я

предлагаю позицию только господину ван Рейну. Если вы согласитесь, господин ван Рейн, вам придётся переселиться ко мне, в Амстердам и мы наберём вам ассистентов и учеников. Ваша работа – производство картин и эстампов, моя – поставка заказов и продажа.

Хендрик ван Эйленбюх перевёл дыхание. Рембрандт и Ян слушали его не прерывая. Организация Академии казалась перспективным делом, сулящим в будущем приличный заработок. Ян, в мечтах своих уже живущий в Лондоне, едва не подпрыгнул от радости за неожиданно-негаданно пришедшую к Рембрандту удачу. Что до Рембрандта, он не верил своим ушам. Ему предлагают переезд в Амстердам, куда он мечтал перебраться несколько лет. Так просто!

– Но всё не так просто, господин ван Рейн, – многозначительно продолжал ван Эйленбюх, – я ищу финансовые вложения, чтобы начать Академию. Меня бы устроило вложение, скажем, в тысячу гульденов.

Рембрандт молчал. Сумма солидная, но он собрал бы тысячу гульденов ради перспектив в будущем. Заказов у него теперь хватает, он не бедствует – купил недавно небольшой земельный участок, и отец не лишил младшего сына доли в наследстве, несмотря на его работы. Молчание его касалось не гульденов. Изначальный эмоциональный всплеск радости улёгся и сменился мыслями: как он оставит семью сразу после смерти отца и брата? Что скажет матери? Одно дело – писать для принца Оранского в Лейдене, в кругу семьи, и совсем другое – уехать в Амстердам, покинув домочадцев в столь горестное время.

Улыбка застыла на лице Яна, грозя вскоре превратиться в маску, он вдруг догадался какие чувства владели Рембрандтом. Рембрандт замешкался и вместо того, чтобы с ходу согласиться, он, после затянувшегося на вечность, как показалось Яну, молчания обратил к торговцу:

– Ваше предложение звучит заманчиво, господин ван Эйленбюх. Я подумаю над ним.

Застывшая улыбка на лице Яна сменилась удивлением. Неужели Рембрандт собирается отказаться?

– Подумайте, только не думайте слишком долго, господин ван Рейн. Время дорого и для меня и для вас.

– Я напишу свой ответ в ближайшие два-три дня.

– Я буду ждать.

Хендрик ван Эйленбюх взял в руки свой берет, показывая, что разговор закончен и он готов уйти:

– Не буду больше задерживать вас, господа художники.

Он прошёл к двери, провожаемый приятелями, сам открыл двери, чтобы выйти, но перед этим обернулся:

– Мы нужны друг другу, Рембрандт ван Рейн. Дело, которое я начинаю, выгодно нам обоим. В Амстердаме гораздо больше возможностей для художника, вы это должны прекрасно знать.

И он закрыл за собой дверь. Когда они остались одни, Ян вознаграждал себя за долгое молчание эмоциональной тирадой:

– Рембрандт, какое-такое «подумаю»? Над чем, скажи на милость, ты собираешься думать? Нужно было сразу и определённо соглашаться. Предложение недурное и даже интригующее, стоит попробовать. Это хороший шанс развернуться и сделать себе имя, – трещал Ян без умолку, размахивая руками, – мы столько лет мечтали перебраться в Амстердам, искали возможности и не находили. И вот он, шанс. Ты обязательно должен ехать. А заказы штатгальтера ты можешь выполнять и в Амстердаме, и в Гааге можешь ездить оттуда.

Ян замолчал. «Кого ты убеждаешь? Рембрандта или себя?», – мысленно спросил себя Ян. Он знал что ему ответит Рембрандт. Рембрандт закрыл лицо ладонями, тяжело вздохнул:

– Я непременно поеду. Я подумал, что ван Эйленбюрх пришёл, как всегда, посмотреть работы или заказать что-нибудь. Его предложение было неожиданным, – оправдывался Рембрандт, – я должен поговорить с матерью, она опечалится. Затем, тысяча гульденов – немалые деньги даже для Амстердама, не говоря уже о Лейдене, их не достанешь сразу из кармана, чтобы выложить на стол.

– Твоя мать не станет противиться твоему явному продвижению.

– Не станет, но предстоит горький разговор.

Дома Рембрандт не решился поведать семье за ужином о визите ван Эйленбюрха, его предложении, сначала он должен поговорить с матерью. Он дождался момента, когда после ужина все ушли отдыхать, а в одной из комнат внизу остались только Нелтье и Адриан: Адриан делился с матерью планами на завтра. Рембрандт объявил, что ему необходимо сообщить им нечто важное и рассказал о долгожданном предложении переехать в Амстердам:

– Мне жаль, что приходится уезжать в такое нелёгкое для нас время, но господин ван Эйленбюрх торопит с ответом. Такие предложения делают нечасто.

Он увидел как опечалилось лицо матери, плечи поникли, руки бессильно опустились на колени. После молчания, которое потребовалось ей, чтобы освоиться с внезапно свалившейся новостью и которое, Рембрандту казалось, никогда не закончится, Нелтье посмотрела на сына с любовью:

– Ты знаешь как тяжело мне будет расстаться с тобой, Рембрандт. Но мы с Харменом так мечтали о твоём успехе. В Амстердам сейчас стремятся не только художники. Когда ты планируешь уехать?

– Через две-три недели.

– Так скоро?

– Господин ван Эйленбюрх торопит меня с ответом и с переездом, если я соглашусь.

Нелтье не нашлась что сказать, она молча кивнула. Слезы градом катились из её глаз.

– Мама, я буду вас часто навещать, – Рембрандт обнял мать.

– Надеюсь, что будешь, – всхлипнула Нелтье в объятиях сына.

– Тебе надо отдохнуть, мама, ты устала.

– Не смогу теперь заснуть.

Новость оказалась неожиданной и для Адриана, хотя желание младшего брата уехать из Лейдена не являлось для него тайной. За всё время разговора с Нелтье Адриан не проронил ни слова – ни одобрения, ни осуждения. Но по сумрачному, суровому выражению лица не трудно было догадаться об отношении брата к сообщению. Рембрандт вышел из дома на воздух, подставил горящее лицо летнему вечерне-прохладному ветерку. Адриан последовал за ним:

– Ты мог бы повременить с отъездом, Рембрандт, ты разбиваешь матери сердце.

Мы ещё не можем опомниться от смерти отца и Геррита.

– Мне не по себе, что приходится уезжать в это горькое время, но я только что объяснил почему я не могу долго ждать.

Адриан не понимал Рембрандта, злился на него и не собирался это скрывать. Он ради семьи закрыл своё вполне успешное башмачное дело, переселился в отчий дом и снова взялся за семейное ремесло мельника. А Рембрандт не желал даже повременить с отъездом. Решение брата Адриан считал крайне эгоистичным.

– А как же ученики? У тебя обязательства перед ними, ты должен их доучить. Ты ни о ком и ни о чём не подумал кроме себя, – выложил он последний козырь.

– Герриту и Исааку я все объявлю завтра. Они учились достаточное время и уже вполне подготовлены для самостоятельной работы.

Рембрандт не сказал Адриану о том, что он подумал, это сделало бы обстановку более накалённой. А подумал он о том, что ученики прекрасно поймут его, если даже известие их не обрадует, поймут какое важное значение имеет переезд в Амстердам для художника Рембрандта ван Рейна. Это следующий шаг, семимильный шаг, после признания Константином Хейгенсом и заказа штатгальтера. Адриан покачал головой и молча ушёл в дом.

На следующее утро сообщение о предстоящем отъезде в Амстердам не вызвало у учеников бурной радости, но они поздравили учителя, пожелали удачи и побольше заказов на новом месте. Геррит и Исаак видели в этом отъезде в более процветающее место, чем их Лейден, вполне логическое продолжение возвышения их мастера, начавшееся в тот памятный день когда он и Ян Ливенс были восхвалены господином Константином Хейгенсом. Обучение Геррита Доу подходило к завершению и он собирался вскоре начать работать. Рембрандт и, в особенности, сам Геррит считали, что он уже вполне готовый художник. Будущее сироты Исаака де Йодервиля не казалось столь же определённым и Рембрандту предстоял основательный диалог со строгими опекунами юноши. Исаак сам прояснил положение, обратившись к Рембрандту:

– Учитель, я надеялся учиться ещё год, поэтому хотел бы поехать с вами в Амстердам, если это возможно и если мои опекуны не будут возражать. Мне нет смысла идти на один год к другому мастеру. Вы ведь будете принимать учеников в Амстердаме?

Рембрандт обсудил с опекунами судьбу юноши, и всё удачно образовалось. Опекуны не возражали против отъезда Исаака в Амстердам – завершение обучения было в его интересах. Учитель и ученик спешно собрались отплыть, ван Эйленбурх ждал Рембрандта чем скорее тем лучше.

Вечером в таверне друзья прощались бурно, радостно. Молодые художники захмелели не только от выпитого пива, но и от захватывающего дух, пьянящего чувства ожидания нового начала. Рембрандт почти не пил, Ян же, напротив, частенько прикладывался к кружке.

– Желаю тебе удачи в Лондоне и произвести впечатление на ван Дейка, если тебе придётся с ним работать.

– Желаю тебе стать первым художником Амстердама.

Могли ли они предположить, что их пожелания друг другу в точности сбудутся.

Нелтье и Лизбет пошли на пристань проводить Рембрандта и Исаака, посадить на пассажирское судно. Братья распрощались с ним ранним утром и ушли на мельницу. На пристани ждал Ян Ливенс. Он вручил Рембрандту завернутый в бумагу большой трубчатый сверток.

– Это тебе подарок, Рембрандт.

– Что это? Картина?

– Да, развернешь в Амстердаме.

Рембрандт не вытерпел до Амстердама, развернул во время пути. Это было Воскрешение Лазаря. Своего Лазаря – дубовую доску, в отличии от холста Яна, он тоже вёз с собой в Амстердам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

АМСТЕРДАМ, ГОЛЛАНДИЯ.1631/32 ГОД

Амстердам!

Великий город! Пуп земли!

Важнейший порт мира и один из богатейших городов Европы. Даже штатгальтеру Фредерику Хендрику Оранскому со своим двором в Гааге приходится считаться с правительством Амстердама, ему нужны амстердамские деньги. Много их уходит на ведение военных действий, содержание армии – война с Испанией за независимость всё ещё продолжается.

Непрестанно работающий, не спящий ни днем ни ночью город.

Главный источник богатства Амстердама – морская торговля. В гаванях сосредоточены голландские корабли – прочные, крепкие, на совесть сработанные. Их здесь значительно больше чем в Испании, Португалии или Англии. На корабли набираются команды моряков и они отправляются во все концы света. Наёмных моряков и искателей приключений зовут в дальние, неизведанные края любопытство и жажда наживы. Нет на свете такого места, где бы не побывали голландские моряки. Сюда же, в Амстердам, корабли возвращаются, набитые всевозможными товарами: лес из Норвегии и Швеции, пряности из Индии, зерно и меха из России, сахар из Бразилии, ткани и роскошные вещички из Франции и Италии, экзотическая древесина из Африки, фарфор и шёлк из Китая, необычная бумага из Японии, удивительные животные со всего света. Нет в мире такого товара, которого невозможно увидеть и купить в Амстердаме.

Огромный город, население которого непрерывно растёт. Сюда, в надежде на больший заработок и лучшую жизнь, стекаются люди из других городов Голландии; нередко эти надежды оправдываются, а если нет – пополняются многочисленные ряды нищих, попрошаек и отщепенцев, коими полон любой большой город. Здесь живут и работают люди всевозможных стран, религий, цветов кожи. С полвека назад в Амстердам прибыли несколько кораблей с португальскими евреями. Они избрали местом жительства Голландию и в особенности Амстердам потому, что амстердамцы кроме своего кальвинизма, более или менее терпимо относятся и к другим вероисповеданиям.

Здесь пахнет сыростью каналов, жадной прибылью и свободой.

Приехав в Амстердам, Рембрандт и Исаак поселились у ван Эйленбурха, на большой улице Антонисбристраат или просто Бристраат. Амстердамцы шуточно называли её улицей художников. Пока Рембрандт собирался в Амстердам, улаживая все дела, Хендрик ван Эйленбурх не терял даром времени. Он нанял к приезду Рембрандта ассистентов, некоторые поселились в его доме – он сдавал комнаты художникам. Везде, где только смог, где, он думал, могло пахнуть потенциальными заказами, Хендрик растрезвонил, что необыкновенный лейденский дуэт, восхитивший секретаряштатгальтера, распался: один из них, Ян Ливенс, едет в Лондон ко двору короля Англии, а другой, Рембрандт ван Рейн, которому только что заказали картины штатгальтерФредерик Хендрик и его супруга, вот-вот прибывает в Амстердам возглавить его художественную мастерскую и скоро будет к услугам всех, кто хочет заказать портрет, любую другую картину или эстамп.

Поэтому когда Рембрандт прибыл в Амстердам, на него сразу обрушилась лавина работы, чему вновь начинающий художник, вновь стремившийся составить себе имя и репутацию, несказанно обрадовался – чтобы заработать имя нужны заказы. Хендрик ван Эйленбурх,

бегавший как белка в колесе, исправно исполнял свою часть договора: заказы поступали непрерывным потоком, преимущественно портреты. Рембрандт писал или гравировал портреты купцов и торговцев, бюргеров, их жён и детей, учёных, поэтов. После сеансов позирования заказчики жаловались ван Эйленбюрху на Рембрандта: он-де настоящий мучитель. Ван Эйленбюрх разводил руками и мягко напоминал: это манера своеобразного, талантливого художника, и если уж сама принцесса Амалия сочла нужным заказать свой портрет именно Рембрандту ван Рейну... Против такого довода возразить было нечего. Мучения заканчивались, портретами становились довольны, все жалобы забывались, а оставалась гордость фактом, что их портрет выполнен тем самым Рембрандтом ван Рейном, который писал портрет принцессы Амалии.

Ассистенты помогали с фоном или с выписыванием некоторых незначительных деталей в портретах, но основную часть работы художник предпочитал делать сам, даже если это означало медленное исполнение и меньше свободного времени. Ассистентам же Рембрандт поручал делать копии или гравюры с известных картин мастеров прошлого; добросовестно выполненные копии быстро раскупались. Среди ассистентов выделялись два молодых художника из Харлема – Якоб де Вет и Виллем де Портер. Они приехали в Амстердам из любопытства: посмотреть картины амстердамцев и, если возможно, поработать. Их нашёл энергичный Хендрик ван Эйленбюрх когда приятели уже засобирались обратно в Харлем. Рембрандту импонировала их живая харлемская манера писания. Помогал ему и верный, добросердечный Исаак, как и учитель, с восторгом окунувшийся в новую амстердамскую жизнь. Он обучался у Рембрандта завершающий год и нередко исполнял обязанности ассистента.

В немногие свободные часы Рембрандт любил пройтись по Амстердаму: прогуляться по набережным каналов или по улицам вдоль аккуратных, милостивых, почти одинаковых домиков, заглянуть в похожий на муравейник порт, дойти до площади Дам – центральной площади Амстердама, где располагались городская Ратуша, управления Ост-Индской и Вест-Индской компаний и новое, только что построенное здание амстердамской товарной биржи. При нём неизменно находились бумага с карандашами или углём, он то и дело останавливался и делал наброски видов Амстердама или заинтересовавших его типажей. Позже, в мастерской он превращал наброски в подробные эскизы, которые использовал при изготовлении гравюр сухой иглой или кислотой, резцом он работал реже. Он пробовал и экспериментировал: сочетал разные методы в одной гравюре или изображал один и тот же рисунок то иглой, то резцом, то вытравливал кислотой.

В Гаагу для сеансов с принцессой Амалией теперь приходилось ездить из Амстердама, дорога отсюда занимала больше времени – Амстердам значительно дальше от Гааги чем Лейден. Но заказ принцессы не из тех, от которых отказываются или бросают на полпути, тем паче он сослужил и всё ещё служил начинающему заново художнику и ван Эйленбюрху хорошую службу, а Амалия ван Солмс не из тех заказчиков, которым назначают сеансы позирования. Но назначая сеансы, принцесса Амалия всегда осведомлялась, когда удобнее господину художнику. Супруга штатгальтера Фредерика Хендрика Оранского принцесса Амалия ван Солмс всецело посвятила себя обожаемому мужу и детям, подавая пример всей стране. Принцесса Амалия любила придворные церемонии, по её настоятельному желанию Фредерик Хендрик пытался создать в Гааге двор штатгальтера и придворную жизнь подобные королевским дворам Европы. Это вызывало недовольство Генеральных Штатов и особенно амстердамского правительства. Но пользующийся глубоким уважением народа Голландии, храбрый, и в то же время умный и дипломатичный, сын мудрого Вильгельма Молчаливого умел ловко обходить подводные камни и острые углы.

Рембрандт стремился отобразить в портрете принцессы Амалии её преданность семье и кальвинистскую строгость. Портрет почти в профиль вместе с сочетанием черного и белого цветов, считал он, как нельзя лучше подходили для этой цели. Строгое черное платье, снежно-белый кружевной воротник, выписывание которого заняло у него уйму времени, из украшений

только жемчуг – совершенство простоты. К удивлению Рембрандта, принцесса Амалия оказалась совсем не капризной позировщицей и стоически, почти неподвижно уставившись в одну, определенную Рембрандтом точку, сидела всё время, заранее оговорённое для сеанса.

В один из дней в Гааге после окончания сеанса с принцессой Амалией к Рембрандту, уже выходящему из дворца штатгальтера и собирающемуся в обратный путь в Амстердам, подошёл слуга и объявил, что в садовом павильоне его ожидает и хочет с ним говорить господин Мориц Хейгенс. «Вероятно, брат Константина Хейгенса», – промелькнуло в голове у Рембрандта. Проводив его до павильона, слуга вернулся во дворец. Когда художник вошёл в павильон, навстречу ему поднялся господин в черной атласной куртке с положенными к ней белым воротником и манжетами, в широких, суживающихся ниже колен панталонах. На нем не было украшений, но костюм его смотрелся чуть щеголевато, как и отлично сшитые туфли. Тёмные, как у Константина, но не гладкие, а пышные волосы тщательно уложены. Взглянув на Морица, можно было сразу сказать, что он – брат Константина Хейгенса, но его лицо не обладало утонченностью черт, характерной для Константина.

– Господин Рембрандт ван Рейн, – не вопросительно, а скорее утвердительно осведомился Мориц.

– Рембрандт ван Рейн, к вашим услугам.

– Наш разговор не займёт много времени, господин ван Рейн, но позвольте представиться: Мориц Хейгенс, секретарь Государственного Совета.

– Брат господина Константина Хейгенса, секретаря штатгальтера? – просто из вежливости спросил Рембрандт, он знал ответ.

– Старший брат, – утвердительно кивнул Мориц, – правда, я всего лишь на год старше Константина. Он отзывается о вас и Яне Ливенсе как о превосходных художниках, хотя и недоволен, что ни вы, ни Ливенс не последовали его совету поехать в Италию, – и, не давая Рембрандту времени на оправдания или объяснения, он продолжал, – но речь сейчас не об этом. Вы, вероятно, уже знаете или, по крайней мере, предполагаете, отчего я вас пригласил и о чем пойдёт разговор.

– Вы хотите заказать портрет или картину, – высказал предположение Рембрандт.

– Портрет, вернее два портрета, если вы согласитесь.

– Буду очень рад.

– Счастлив это слышать, господин ван Рейн. Теперь о портретах. Два портрета – мой и моего друга Жака де Гейна.

– Господин де Гейн хочет заказать мне портрет? – Рембрант понял, что задал глупый вопрос, но было уже поздно.

– Да, мы хотим парные портреты: небольшие, одинакового размера.

– Маленькие портреты лучше всего писать на дубовых досках, если у вас нет других пожеланий.

– Дубовая доска – превосходный материал для таких портретов, согласен с вами и не имею никаких возражений.

Рембрандт пересел ближе к краю кресла, чувствуя, что беседа подходит к концу. Мориц Хейгенс улыбнулся, поняв движение Рембрандта:

– Я могу позировать здесь и в Амстердаме, где я бываю время от времени. Что касается Жака, он сейчас проводит больше времени в Амстердаме, чем здесь и собирается навестить вас в скором будущем. Мы наслышаны о вашей с господином ван Эйленбурхом Академии, она приобретает популярность и Жак давно уже хочет заглянуть к вам. Я напишу Жаку о нашем разговоре, но не вполне уверен, что он вовремя прочтёт записку. Мой друг довольно беспечен, – мягко улыбнулся Мориц Хейгенс, – не удивляйтесь, поэтому, если Жак заговорит с вами об этом же заказе.

– Буду счастлив встретиться с господином де Гейном.

Жак де Гейн не заставил себя долго ждать, появился в мастерской вскоре после разговора с Морицом Хейгенсом. Рембрант наблюдал за работой учеников и ассистентов, делая необходимые исправления, когда Хендрик ван Эйленбурх, смеющийся и сияющий как золотой гульден, появился в мастерской со светловолосым, тоже смеющимся господином, одетым броско и по последней моде, по всей видимости, довольным собой и своей жизнью.

Жак де Гейн, или точнее Жак де Гейн III, происходил из семьи потомственных художников, по семейной традиции носивших это имя. Его имя Якоб постепенно превратилось в Жака. Приятели величали Якоба на французский манер Жаком, так он и представлялся. Эту семью знали все художники Голландии. Его отец, Якоб де Гейн II, служил придворным художником у штатгальтера Фредерика Хендрика. Неожиданно скончавшись, обязательный Якоб де Гейн II оставил сыну большое наследство и на смертном одре просил Жака завершить незаконченный заказ на украшение павильонов сада Фредерика Хендрика. Закончив, по завещанию отца и просьбе штатгальтера, начатую отцом работу, Жак де Гейн III больше не принимал серьёзных заказов, а писал или рисовал для себя и своих друзей. Ставший, благодаря богатому наследству, ни от кого не зависимым и будучи довольно ленивым, он предпочитал просто наслаждаться жизнью, прожигая деньги отца. Добродушный, лёгкий характер вместе с талантом художника снискали ему много друзей. Жак находился в приятельских отношениях с Константином Хейгенсом, побывал с ним в Англии, Италии и Швеции, однако, был более близок с его старшим братом Морицем. На предложение Константина Хейгенса стать, как его отец, художником при дворе штатгальтера Фредерика Хендрика он ответил вежливым, но совершенно определённым отказом, чем расстроил Константина Хейгенса до такой степени, что тот не смог скрыть недовольства как не пытался.

– Господин де Гейн, позвольте представить вам маэстро Рембрандта ван Рейна, – претендующим на загадочный тон молвил Хендрик и обернулся к Рембрандту, – Маэстро, господин де Гейн хотел бы взглянуть на галерею и мастерскую.

– С удовольствием покажу.

– Вот и чудесно, а меня прошу извинить, меня ждут несколько неотложных дел, – с этими словами Хендрик ван Эйленбурх удалился.

– Наконец-то я добрался до вас, господин ван Рейн. Вы входите в моду, о вас говорят, что вы отличный портретист.

– Благодарю. Я также пишу исторические картины и занимаюсь гравюрой.

– Я знаю, что вы работали с Яном Ливенсом в Лейдене. Побывал у него недавно, купил пару картин. Я коллекционер как и все вокруг, куда же убежишь от моды. Успел вовремя – Ян Ливенс получил от английского посланника приглашение в Англию и укладывает саквояжи.

– Янскоро отбывает, он прислал мне весть, – подтвердил Рембрандт.

– Рембрандт, – Жак де Гейн запросто, по-свойски перешёл на приятельский тон, – я пришёл не только посмотреть на мастерскую и картины, я хотел бы заказать вам портрет, вернее два портрета, если вы согласитесь.

– Я согласен и обсуждал уже этот заказ с господином Морицем Хейгенсом несколько дней назад в Гааге. От него я узнал, что вы навестите меня здесь, в Амстердаме. Поэтому я ожидал вашего визита, господин де Гейн.

– Так значит вы уже всё знаете.

– В общих чертах. Мы согласились, что писать такие портреты лучше всего на дубе, если вы не возражаете.

– Ничуть не возражаю. Я тоже предложил бы дуб или тополь. Дуб здесь более распространенный и привычный материал. На тополе чаще пишут в Италии.

– Теперь остается договориться о сеансах позирования.

– Договоримся. В настоящее время я нахожусь по большей части в Амстердаме и могу приходить на сеансы когда вам угодно, в отличие от Морица. Мой портрет пойдёт значительно быстрее.

– Похоже, вы правы, господин де Гейн.

– Вы можете называть меня Жаком, несмотря на разницу в возрасте. Наслышан о вас как о мучителе. Но что такое писать портреты я знаю не по наслышке, поэтому обещаю быть примерной и послушной моделью, – хохотал весельчак де Гейн.

Рембрандт также не смог удержаться от легкого смеха в ответ на его шумное веселье.

– Не покажете ли теперь вашу мастерскую и галерею? – де Гейн поднялся со стула.

– Извольте, – Рембрандт сделал приглашающий жест рукой и пошёл было в сторону галереи.

Но Жак де Гейн, прежде чем пройти в галерею вслед за Рембрандтом, сразу же направился к двум картинам, висевшим на стене рядом друг с другом. Это были лейденские Лазари – Рембрандта и Яна Ливенса.

– Какая чудесная пара! С самого начала приметил эти картины. Я их куплю, – с энтузиазмом воскликнул Жак.

– Сожалею, но именно эти картины не продаются. Это Воскрешение Лазаря. Одна картина моя, другая – Яна Ливенса. Он подарил мне свою картину и эта пара мне очень дорога.

Несмотря на добродушную открытость Жака де Гейна, Рембрандт не ощущал ни желаний, ни настроения рассказывать ему историю, связанную с созданием картин. Он испытывал симпатию к де Гейну, но в его собственном характере не было ни открытости, ни лёгкости Жака.

– Жаль, – с видимым сожалением ответил Жак и, всё ещё надеясь, что Рембрандт передумает, добавил, – мне полюбились картины и я купил бы их за любую цену.

Видя молчаливую реакцию Рембрандта, убедившую Жака, что этого не случится, он не стал настаивать.

– Так трогательно, что они у вас здесь рядом висят как знак вашей дружбы. Наши портреты тоже в конце концов воссоединятся. – Жак вдруг посерьёзnel, – Мы с Морицем уговорились: тот из нас, кто умрет первым, завещает свой портрет другому. С этой мыслью мы и решили заказать вам наши портреты, похожие друг на друга и одинакового размера.

– Как романтично, – Рембрандт изумлённо посмотрел на Жака, он явно не ожидал романтической истории.

– Даа, – только и нашёл что ответить обычно смешливый и болтливый Жак. Его голос звучал приглушённо и серьёзно. Развесёлая улыбка, вот-вот готовая превратиться в смех, исчезла с его лица, сменившись выражением трогательности.

Они прошли в галерею. Жаку де Гейну пришлось по вкусу лейденские работы. Он купил для своей коллекции картину, изображавшую двух спорящих стариков, окруженных книгами, Жак тут же окрестил их Святым Петром и Святым Павлом, и портрет старой женщины. Рембрандт с сожалением подумал: теперь у него почти не остаётся времени на такие портреты, он и Ливенс любили писать их в Лейдене и писали во множестве... и в Лейдене нужно съездить навестить семью, он ведь обещал матери приезжать почаще...

Сразу после визита Жака де Гейна Рембрандт разделил лежавшую в мастерской и подхваченную для этих портретов дубовую доску на три части: две одинаковые и оставшаяся третья – чуть поменьше. Одинаковые – для портретов Де Гейна и Хейгенса. А на третьей он напишет автопортрет, похожий на портреты двух друзей. Его взволновала возвышенная история о крепкой дружбе.

О композициях картин для принца Фредерика Хендрика Рембрандт начал думать еще в Лейдене и нарисовал первые черновые эскизы. Здесь, в Амстердаме, он быстро отыскал под-

ходящие дубовые доски, которые всё ещё предпочитал холсту, и с упоением окунулся в жизнь Христа. Он хотел стать именно историческим живописцем, поэтому и поехал учиться к Питеру Ластману – Ластман слыл лучшим историческим живописцем Амстердама. Картины эти были его отдушиной от нескончаемой вереницы портретов. Портреты, тем не менее, приносили хороший доход и делали ему имя в Амстердаме.

Рембрандт поставил перед собой нелегкую задачу. С одной стороны, написать картины таким образом, чтобы, смотря на них, Фредерик Хендрик вспоминал своего обожаемого Рубенса. На это намекнул Константин Хейгенс при обсуждении заказа. Рембрандт и без намёков прекрасно знал о безграничной любви штатгальтера, его супруги и его секретаря к искусству Питера Пауля Рубенса, а также к ван Хонтхорсту и Йордансу³⁵. Они, как и божество, работали в Антверпене под впечатлением и влиянием венценосного гения Рубенса. Картины из коллекций Фредерика Хендрика и Амалии ван Солмс, которые ему пришлось видеть во дворце штатгальтера, служили лишним тому доказательством. С другой стороны, картины должны быть оригинальными работами голландского художника. Он не Питер Пауль Рубенс, работающий в Испанских Нидерландах, а Рембрандт ван Рейн – голландец, о котром уже говорят как о новой восходящей звезде Амстердама и Голландии. Он не собирается слепо подражать Рубенсу, каким бы великим тот не был и как бы его не любил Фредерик Хендрик. Штатгальтерне случайно поручил этот заказ, по рекомендации и отзывам Константина Хейгенса, именно ему, голландцу, а не ван Хонтхорсту и Йордансу, или даже самому Рубенсу.

Он взял у Рубенса общую композицию его «Снятия с Креста», картину знали в Голландии по эстампам, знал её и Фредерик Хендрик. Рембрандт вновь испытал несколько уже забытое под бременем портретов вдохновение. Как бывало в Лейдене, он снова растворялся в своих картинах, входил в них и проживал библейские истории. Он не постеснялся изобразить себя в центре обоих сюжетов: вот он помогает поставить крест с распятым на нём Христом, страдающим и кричащим от нестерпимой боли, а здесь он снимает с креста мёртвого Иисуса, изнемогающий под тяжестью безжизненно обмякшего тела, свалившегося на его плечо. Он сознательно пошёл на риск, изображая Иисуса не мускулистым красавцем, радующим глаз зрителя даже в своей смерти и после неё, как сделал божественный антверпенец, а непривлекательным, обезображенным пыткой распятия, страданием от невероятной боли и, после смерти, естественно, то есть некрасиво, свисающим. Он хотел впечатления, будто события произошли здесь, на земле Голландии, впечатления правдивости и современности.

При всей своей занятости, Рембрандт не забывал и находил время писать автопортреты. Непослушные, растрепанные кудри, образы нищих и бродяг, в которых он запечатлевал себя, гримасы удивления или испуга остались в Лейдене. Он написал себя теперь амстердамцем с аккуратно подстриженными, причёсанными волосами, хотя и не отрастил длинных волос, как диктовала мода – уж слишком они непослушны, отпустил щеголеватые усики, придал лицу спокойное, серьёзное выражение, даже чуть меланхоличное. Выражение и состояние меланхолии становилось популярным. Это была частая тема разговоров в обществе: вспоминали гравюры несравненного Дюрера, читали объёмную книгу англичанина Бартона³⁶. Другой темой стал Рембрандт: «А вы знаете, этот молодой лейденец, Рембрандт ван Рейн, он хороший портретист, ему сейчас много заказывают. И имя необычное, запоминающееся. Он скоро может составить существенную конкуренцию Николасу Элиасу Пикеню и Томасу де Кейзеру. Они, наверняка, уже ногти себе кусают».

2

³⁵ Якоб Йорданс (1593 – 1678) – фламандский художник. После смерти Рубенса стал самым популярным художником в Антверпене.

³⁶ Роберт Бартон. «Анатомия меланхолии». Первое издание – в 1621 году в Лондоне.

Николас Ратс, торговец зерном, мехом и лесом из России и Швеции, устраивал ужин в честь окончания своего портрета молодым мастером Рембрандтом ван Рейном из мастерской Хендрика ван Эйленбурха. Он настолько очаровался портретом, изображающим его энергичным и активным, в виртуозно выписанной собольей шубе, которую даже в богатом Амстердаме не часто встретишь – не зря он парился в ней, позируя для портрета, когда на дворе стояли довольно тёплые сентябрь и октябрь – что с радости устроил роскошный банкет. Приглашались все подряд: родственники и друзья, их друзья, вся мастерская ван Эйленбурха – Рембрандта. Дочь Ратса, помогавшая отцу в организации празднества, деловито сновала между гостями, посматривая, все ли довольны и отдавая распоряжения прислуге. Торговец вознамерился подарить картину дочери. Молодая женщина сказала отцу – она повесит этот замечательный портрет в своём новом, недавно купленном её мужем, доме. Они не прогадали, заказав портрет начинающему лейденцу. Входя в популярность, он называл уже немалые цены за свою работу, но всё же выходило дешевле, чем заказать де Кейзеру или Пикеною. И отец и дочь были весьма довольны результатом. По мнению молодой женщины, художник великолепно отобразил нетерпеливый характер отца, его острый, мгновенно всё схватывающий и оценивающий взгляд.

Портрет вывесили в самой большой комнате на всеобщее обозрение. Вино и пиво лились нескончаемой рекой, столы ломились под тяжестью всевозможной обильной закуски: разные сорта мяса и птицы, диковинные, целиком запеченные рыбины, пироги и паштеты, имбирные пряники и кексы, свежие и засахаренные фрукты. Произносилось множество тостов и речей, восхвалявших мастерство Рембрандта ван Рейна, поздравления принимали Николас Ратс, его дочь и её муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.